

~~P18CXT~~ 124

P18CP I 84.1

P₁₂CP T84.1

КАНДОРЪ

или

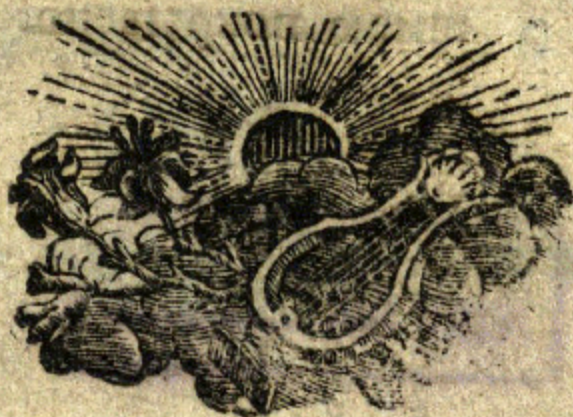
ОТКРОВЕНІЕ ЕГУПЕТСКИХЪ

ТАИНЪ.

ОТЪ

АΘΑΝΑΣΙΑ СТОЙКОВИЧА.

С. С. Н. и Філософіи Доктора, и Іенскаго естество
испытательнаго содружества члена
на дѣйствительнаго.

135

ВЪ БУДИМЪ,

Печатано писмены Славено - Сербскія Печаш-
ни Кралевскаго Всеучилища Пешпанскаго.

1800.

ТВОРЧЕ!

Если ко'го дѣло добро ,

и теби угодно

Или злое намѣрен'е

и со всѣмъ неплодно.

Твоимъ явно естъ очесемъ

а прочимъ всимъ подѣ небесемъ

шмою покрывено.

347146

Изм. бр. 347146

151

БЛАГОРОДНОМУ
ГОСПОДИНУ
САВВЫ ОТЪ ВУКОВИЧЬ
ЗЕМЛЕДЕРЖЦУ
отъ
БЕРЕКSOBA
ГОСПОДИНУ
МНѢ ВЫСОКОПОЧИЩАЕМОМУ.

ВЛАДРОДОМУ

ЛОСКОЛМУ

САРВЕН ОЛТЪ ПУКОВНА

ВЕНДЛЕНД

ИЛИ

ВЪРЪЖЕВЪ

ЛОСКОЛМУ

ИЛИ ПЛОСКОПОНОВИМУ

БЛАГОРОДНЫЙ ГОСПОДИНЕ

ГОСПОДИНЕ

ВЫСОКОПОЧИТАЕМЫЙ!

По обѣщанію моему—кое храни-
ти всегда за величайшую почитаю
должность—испины сія во крап-
цѣ написахъ. Они щастіе имѣли
просто и безъ всякаго краснорѣчія
изречены **ВАМЪ** понравився,
якоже и всякому разумному долж-
жны; несумнѣю, да и у овой новой

оде-

одежды, коюсамъ имъ далъ, ВА-
ШЕ благоволеніе добыти не
будушъ. Желаніе убо мое тамо
токмо садъ клонися, да бы они
всякому — кой ихъ чпенія своего
удостоишъ — понравишся могли.
ВЫ спе мени первое къ написа-
нію оныхъ были побужденіе, Вамъ

ихъ

IV

ихъ и посвящаю. Пріимите
дѣла ихъ содержащее оною бла-
гонаклонностію, коею вы все что
добро и благородно есть; пріима-
те. Божество есть благоволило,
да красное на Васъ жребіе паднетъ.
ВАШЕ имя и за изданіе вѣч-
наго Календара у вѣчную Сла-

вено

вено - Сербскихъ музъ книгу запи-
сано. Вамъ и опъ селѢ великое
дѣло за благое челоуѣчества пред-
стоипть: Вы званію овому, колико
пязшему, толико вяцшаго возмез-
дія достойншему съ благородною
ревностію слѣдовапи и около себе
щаспіе и веселіе распростерпи

бу-

V.

будете. ВАСЪТ благое небо у
изрядныхъ Вашихъ предпріятіяхъ
подкрѣпипи, здравіемъ, долгоден-
спвіемъ обдарипи, ВАМЪ благо-
словъ оныхъ, коихъ э судба Вамъ
поддала, и коихъ Вы щаспли-
выми сопворипи мыслипе до гро-
ба, а и у саму вѣчностъ слѣдо-
ва-

ваши будетъ. Такова суть слѣд-
ствія всѣхъ дѣланій добродѣтел-
ныхъ. Я со всякимъ должнымъ
Вамъ высокопочитаніемъ есмь

Вашъ

Благородный Господине

Господине

высокопочитаемый

Слуга нижайшій

Въ Пештѣ Іуліа 20. 1800

Стойковичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Должность надлежитъ всякому челоѣку
только добра ближнимъ своимъ творити,
колько силы его дозволяютъ: и сколько безъ
умаленія собственнаго блага быти мо-
жетъ. Ово есть предѣлъ, коего разумный
не переходитъ. Должность ову — якоже и
прочія — немогутъ вси одинакимъ образомъ
и путемъ исполнявати. Творецъ э различ-
ныя пути и различныя способы далъ, кои-
ми челоѣкъ общему сему концу прибли-
жашися можетъ.

Списатели ню шокмо тогда исполня-
ють, когда братіи своей таковыя науки
сообщаютъ, коими духъ къ исполненію
Божественныя добродѣтели ободряется,
сердце украшается, благоображается и въ
напастехъ утѣшается. Писати убо тако,
дабы слабы мудрши, беззаконы добродѣ-
телиши постали, дабы жалостію оотягоще-
ныя утѣшили, радостныхъ радость рас-
творили и облагородили, и всѣхъ чита-
ющихъ болшими сотворили, есть ихъ все-
гдашняя должность. Кто отъ нихъ ово на-
мѣреніе не имать, тай таять есть и раз-
бойникъ мира, пишины и спокойствія рода
человѣческаго.

Многія находятся вещи, яже общему
чтенію посвящитися могутъ. Но знаши ва-
жность ихъ — аще бы у сраженіе дошли —
разсудити и едину другой подложити,
и бѣсть вонспинну дѣло краткаго времени.
Оставити вещь а за сѣнью лешѣти есть
знакъ краткоумія. Сіяніе благородныхъ
металловъ, великое земныхъ Боговъ
бла-

VII

Благоволеніе, чести, ихже слѣпая щас-
спія Богиня раздѣляетъ истинному мудрецу
по сущь, что у себя сущь: внѣшная сян-
ность. Она къ живопу нашему несумнѣно
коя попребна, коя полезна, коя увеселишел-
на сущь: но зубъ време не вся поядоущій
всему овому конецъ шворишъ. Еспли убо
что нибудъ, на коемъ бы онъ всеу гры-
зао, то шое всѣмъ овымъ предпочести
треба. Да тако нѣчто быши должно,
сумнѣшися нѣспь; да то у внутренно-
сти человѣка быши должно, можешъ быши
всякій не вѣспь. Оно благо, коебы мени
судба — была она, коя му драго — прошив-
на опяши могла, имя блага истиннаго, не
заслужуешъ; Благо ово должно быши ша-
ково, да ни люди ни еспества приключе-
нїа, ни сокрушенїе цвлїа вселенныа отъ
насъ шое опяши не могутъ. Оваково еспь
едина шокмо добродѣшель. Гнѣвъ судей-
скїй до внутренности темницы — у коей бы
добродѣшелный находилса — проникнути мо-
жешъ, но онъ на крилахъ рааума своего
чрезъ

чрезъ неизмѣримое пространство проле-
тивши при Бозѣ успокоивается, къ себи
возвращается, внутренность сердца своего
искушаетъ и пошайныя дѣланія своихъ
причины и вѣчная слѣдствія разсматры-
ваетъ и утѣшается. Онъ со собою вся
своя превосходства по всюду носитъ, но-
ситъ доволствіе и благополучіе, и спо-
койнъ есть. Ему и Божество вѣще есть
и любвѣдостойнше. Онъ себе и братію
свою выше почитаетъ. Онъ при наимен-
шихъ вещехъ утѣшеніе находитъ. Когда
онъ видитъ зеленостію и различными цвѣ-
ты покрывено поле! красное златными
звѣздами преиспещрено небо! спанетъ, у-
глубится у мысль, и молчаніемъ виновни-
ка славитъ. Онъ нигдѣ самъ нѣсть. Ова-
кова истина и еще таковыхъ нѣколько,
кои человека въ ней укрѣпляютъ, у
книжицы сей предложени суть. Причина
сея есть Бл: Г: Савва отъ Вуковичъ.
Путешествуя съ нимъ лѣта сего у Сеге-
динъ, Темишваръ и Пешту о различныхъ
вещехъ

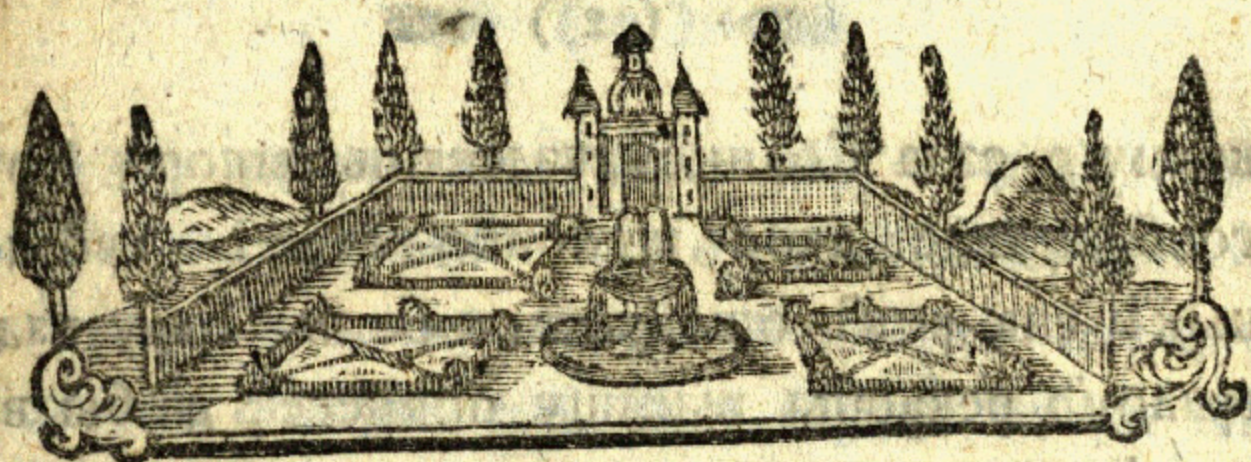
вещехъ такожде и о сей въ книжицѣ овой
содержащихся разговорахъ, ихже я по же-
ланію его ему написати обѣщахъ, еже здѣ
исполняю. Сказати ихъ все здѣ во кратцѣ,
былобы услажденіе оно ошати, кое изъ-
чпенія книгъ имѣется.

Я молимъ шокмо всякаго, кой въ раз-
мышленіяхъ недоволю упражнялся естъ, съ
вниманіемъ читати и дондеже едину вещь
не понялъ къ другой не ити, понеже вся ка-
ко ланацъ една за другу связана суть. Я
не могу ни помыслиши, да кто естъ;
кой ово зналъ не бы, и кому бы вещь
со всѣмъ нова была, но одѣяніе ово у
кoему Кандоръ являеться можеть быти не
будеть всѣмъ невольно а нѣкимъ къ за-
бавленію послужишь. А могупли оваковыя
вещи выше кратъ нежели пошребно естъ,
казати? Что человекъ о нѣими выше го-
ворить. то выше услаждается: онъ перо
оставити желить, но Сердце еще довол-
но изговорилося нѣсть.

Что

Что языка касается, славянскому слѣ-
довати немогахъ, ибо выше чтецевъ нахо-
дятся того невѣдущихъ; сербски со всѣмъ
просто писати нехотѣхъ: мню да овымъ
начиномъ и одной и другой страны удовле-
створихъ.

Такожде и на то прирѣніе имѣши
подобаетъ, да я не на языкъ но на вещь
взирахъ хоща и оному великую почность
и опредѣленіе даши трудихся. Коль тяжко
есть добро и лѣпо и а вразумительно писати,
они знаютъ, иже искусша: оваковимъ убо
почію и судити книгу принадлежитъ, а
не всякому кой шеширъ носитъ. Зависпъ
бо не вѣспъ почитати полезная.

КАНДОРЪ

ИЛИ

ОТКРОВЕНІЕ ЕГУПЕТСКИХЪ ТАЙНЪ.

Еще весь богатый съѣтъ у постели мягкой лежитъ. Еще Морфей со снопричиняющомъ своимъ одеждомъ цѣлый градъ покрывенъ держитъ; еще не исходитъ изъ Каміновъ господскихъ домовъ мрачночерный дымъ; пріятнѣйша тишина и сладчайшее молчаніе по всюду царствуетъ. Само у полю гди коя уединѣна шева милымъ своимъ цверкупанѣмъ и трепещущими крылы у чистый воздухъ себе узвышаваютьи радость свою являетъ, и теплое зиждишелою естества благодареніе пѣваетъ. Младый Кандоръ—

А

коему

кoмy э сада Солнце двадeсять вшopo Кру-
гообращeнiе свое пворило — изъ гвозде-
ныхъ сна рукъ опергнувшисе на гору надъ
градомъ рекаобы высящу попнесе, да бы ве-
личайшему естества торжеству присут-
ствовать могли. Текъ что э на мѣсто на-
мѣренiя своего дошао и ружеобразно лице
свое на ону страну обратio, опъ кое дне-
вный Богъ величественое ппешествiе свое
започинѣтъ, упазитъ златный ауроре (ден-
нице) перстѣ, кой врата неба нашего о-
твораше. Появитсе огненный Кругъ, просвѣ-
титѣ у мраку бывшее естество, озла-
титѣ верхове высочайшихъ древесѣ, обѣ-
щаваетѣ краснѣйшii день. Пробудилса вся
природа. Кандоръ явленiемъ овымъ необык-
новенымъ удивлѣнъ потайный иѣкiй спрахъ
чувствоваше; но немогутъига размерсипи,
на колѣна паднетѣ—Опче! и пворче! вели-
чайши ове проспраности (говоретѣи) ка-
ковъ разумъ наименшу благости пвое ча-
стицу постигнути можетѣ! кто э той,
кой э у внутрененостѣ поне еднаго пвоихъ
дивныхъ созданий загледао. Все э за насъ
смершне вѣчнымъ покриваломъ закровено:
кора шокмо очима предспавляетѣся. Всемо-
гущее слово пвое раскошнымъ э все е-
стество украсило великолѣпiемъ. Ничто

ни една тварь заслужила нїе, а и можетъ ли? ты самымъ благоутробїемъ твоимъ побужденъ всяку тварь бытіемъ незаслуженымъ обдарїо еси, и у сердце всякія нѣкїй законъ усадїо, по коему она себи равностворенїе любитъ, и любипсе желитъ. Всяка — аковы и невидима была — тварка живоу свой у различновидномъ удоволспвію ощущаваешъ, и тебе — ако мы гордїи челоуѣцы само себи разумъ изключително и присвоявамо — персима благодаренїя полными хвалитъ. Колико живоуныхъ нейма очесемъ нашимъ невидимыхъ? — колико у оныхъ милїонъ милїоновъ свѣшовъ, кои себношь очесемъ као почке предспавляють, небо наше украшавають, и отъ коихъ обаче почти всякїй отъ землѣ наше несравнено ешь вящшїй, колико велимъ тамо тварей живоуомъ своимъ радуютьсе, тебе творца своего славятъ! А како э прекрасна около мене природа! каковаси предивна мени дао орудїа и свойства! Руке — коими дѣлапи, пищу себи добїапи, прїятелѣ, сродне, благодарѣтелѣ, родителѣ мое грлипи могу, ноге, — кое крѣпостїю своимъ цѣлый овайтѣла моего составъ на себи носутъ, и безъ коихъ я вѣчному недвиженїю предатъ, ни самому овомъ великому природе торже-

спву присушствовати бы могао. Когда бы
я изчислю моихъ чувствъ ползу? око —
коимъ я сада красоту ову гледамъ; ухо —
коимъ ппичіихъ пѣсней согласіе слушаю-
тъи у восхищеніе долазимъ; уста — коими
даре сладке природе вкушаютъи живопись
мой на славу швою продолжавамъ. Все э-
то незаслуженомъ благостию швойомъ
мени дапо. Какова гордость необ-
владеетъ человѣкомъ — овымъ цѣла-
го естества изображеніемъ — коего си-
ты съ шоликимъ разумомъ обдаріо, да онъ
неизмѣрно — видиме оне почкице мѣри-
ти; времена несущая раздѣлявати, солнцу,
мѣсяцу и прочимъ звѣздамъ путь предска-
зывать, однимъ словомъ и самому есте-
спву законе давати усудіосе ешь. Ты шво-
имъ — — — — — Хотѣв-
шій Кандоръ разсужденіе свое и молитву и
далее проспирати, упазитъ внезапно предъ
собомъ нѣкоего благообразнаго старца. Бѣ-
лоснѣжна брада до поясамусе проспыраше,
глава сѣдомъ косомъ покрывена, коя до пре-
ко рамена вѣпренимъ воздухомъ разсуша,
красный старца угледъ еще усугубляше. У
десной руцы имао ешь онъ книгу, коясе
текъ отворати почела; а у лѣвой свѣщу
бѣлу, надъ койомъ малый бѣликаспый пла-
мень

мень лепешьи ужещи ю хотяше. Бѣла его одежда со сребреннымъ — бисеромъ искитъенымъ — поясомъ къ шѣлу приключена до саме землѣ простырашеса, и высопы его многу важность придаваше. На лицу чрезвычайна да и неизглаголана красота есть изображена была. Онъ баше струка дивна: ходомъ величественнымъ къ Кандору приближается, и сладкими ово ему говоритъ рѣчи. Младый человѣче! койси ты сладкй и все печали свѣта изглаголющй сонъ оставлю, и на ову гору тако рано похитю, знай, да э она моему подложена владычеству! Знай, да никто отъ непосвященныхъ на ню взыши недерзаетъ. Отъ куда э дакле то у сердце твое улилосе дерзнове-нїе, ово свято мѣсто прищесствїемъ твоимъ обезсвятиши, и тихость уединенїя моего возмутиши. Кто еси? что желишь? кое есть твое намѣренїе?

Спрахъ нападнешъ на Кандора: колико се годъ онъ образу старца прежде дивю, толикосе отъ сильныхъ и поразительныхъ его рѣчей сада спрашю. У недоумѣнїю пребываетъ, есть ли то каково нибудь привидѣнїе, — кое э очи его вараши дошло — или э заиспа смертнй ему подобный человѣкъ. Трепещущимъ дакле отъ
вѣл-

вѣшпвуетъ гласомъ. Ясамъ Кандоръ, сынъ
 просныхъ Родителей, кои у одной коли-
 бицы щасливый проводятъ животъ. На-
 мѣрюсамъ днесъ у отечеству моему послѣ-
 дній путь восхожденіе Солнца видети, у
 Мемфисъ пойти, и шамо тайнамъ мудре-
 цевъ онаго града посвятитисе даши. Но пре-
 жде нежели предѣлъ рожденія моего на вѣкъ
 оставимъ, дошао есмь на ову планину, по-
 слѣднее съ Богомъ остай отечеству мое-
 му рещи, и себе у мѣсту овомъ уединенія
 преблагому Творцу препоручи. *и.* Проспи
 убо, о горы владѣтелю! погрѣшку ты про-
 сти, коя изъ сердца — благодарности и
 любви отечеству должныя — полного про-
 истекла есть. Ако э преступленіе отеч-
 ество свое любиши, и съ тяжкимъ серд-
 цемъ отъ нѣга разспаяшисе, да кое будетъ
 добродѣтель? Кто бы рекао, да ову испол-
 няющыи погрѣшитися можетъ? Увѣренъ
 буди, да нога моя предѣле ей положене ни-
 когда отъ селъ преступити nebudeтъ.

Рече ово. У таковой нѣжной млади-
 спи таково крашкорѣчіе и силу изображе-
 нія видети, Спарецъ у удивленію пребыва-
 ше, и на красный юноши образъ, и необыч-
 ный его станъ взыраше. Намѣреніе Кан-
 дора проснымъ — но живо желаніе его изо-
 бра-

бращающимъ — гласомъ изречено; покорность, съ койомъ онъ за будущее себе законе поставляше; причина будущъ, да Спа-рець, и тако упреннею упружденъ молишвою сѣднетъ, книгу и свѣщу изъ руку оставитъ, и ово страхъ юноши опузети, а ово и далше о его намѣреніи что чупи-мощи, и ему мѣсто узети рекнетъ. Овай поклонишсе, послуша, и спрощу его сѣднетъ.

Солнце э между тѣмъ надъ Орїзонтъ изышло, и все видимо еспешство у златну одежду облекло. Овде на Горы пшице пе-ваютьи чрезъ Листіе роскошно пролетають. Онде у долины незлобны яганцы сада ма-тери своей ласкають, сада младу свою крѣпость и скорость попркиваютьи искушавають. Паспырь, превыпу на едно раме халину небрежливо носетьи за нима шета, и у танкогласну фрулу свою тако свира; да отъ далныхъ Бреговъ тысяще-кратный опзывъ пѣснь его повторава. Управо къ востоку видяшесе блиспаніе еди-наго потока, кой кривуданѣмъ своимъ змїи-новиднымъ подложне ливаде кваситъ; на коима права вѣчномъ зеленостію покривена гдигди тысящешарнымъ измѣшана баше цве-тьемъ. Солнце чиняшесе у потоку огле-
даши,

даши, ибо луче его тако силно у очи на горы сѣдящихъ преламалесе есу, да они у нѣга гледати не могаху.

Усудисе сада вещь юноша очи свое полагаю на старца подвигнути. Онъ на лицу его валичайшу радость изображену видитъ: онъ се чудитъ красоты и нѣжности старчева лица. Какогодъ онай цвѣтъ, кой ово тепломъ Солнца чрезвычайномъ, овоже таки на то слѣдующомъ ношномъ хладностию пронутъ, при рожденіи благодатнаго Солнца главу свою немощну возвышава, и измѣнушу вещь бою свою пакы придобыва; пупе распвара; благоуханіе просыплъ; и вся чувствва присутствующихъ у восхищеніе нѣко божественно приводитъ, пакосе старость священнаго оваго старца обновляше, и юношу — то взырающа — у удивленіе углубляше.

У исто време старецъ очи на юношу обратитъ, видитъ съ радостію, да поржественный овай часъ юношу восхитію есть. Онъ молчаніе пресѣчетъ, и кто э теби (говоритъ Кандору) о юноше! то у главу вселію, да ты за окусиши сладость наукъ, и разумъ швой просвѣпиши у Мемфисъ ипи, и тамошныхъ священниковъ шайнамъ посвяпишисе имашь? Едали онъ тебе

теби само то мѣсто за музѣ обиталище издао есть? или ты собственнымъ духомъ побужденъ, тамо вѣчную истину спражиши намѣривашь? Никто (отвѣтствуетъ юноша) никто мени совѣтовао нѣ, тамо путь предузети; никто о моемъ предпріятію извѣщенъ нѣ: я не знамъ, но я и не мыслимъ, да истина у Мемфису само сокрыта есть, обаче разговаряются съ родителями моимъ о наукахъ умъ нашъ просвѣщающихъ, за никаковъ Градъ отъ него толико слушаю нисамъ, колико за тай. Овде, (говораше онъ мени) науке вещь прежде нѣколько тысячъ година дворе себе водрузиле, и у Фамиліяхъ тамошнихъ священниковъ себе престолѣ вѣчно созидале есу. Овде э сѣмѣ всѣхъ вѣжествъ посѣяно; одавдесусе повсюду разсады само на друге стране разнели. Незнающи дакле за друго на свѣшю таково ученія мѣсто, и желєши научиши, днешній день за день отшествія моего опредѣлю и у Мемфисѣ ити науміо есмь. Престанетъ юноша.

Спарецъ узме рѣчь. Ако э желаніе швое истину спражиши искренно, знай да она нѣ за фамиліе связана, ниши у еданъ нарочито градъ, у еданъ нарочито домъ улазитъ, а отъ прочихъ се гнушава. Луче нѣне Бо-

жествен-

жественне всюду сущь распросперте еднако, она естѣ непремѣнна, вѣчна, она естѣ и всюдусуща. Нейма мѣста, нейма шакове пещере, гдѣ бы благодатне нѣне луче по-тайно небыле. Но отѣ почешка свѣта о-ваго, — кадѣ э Богѣ благоизволіо отѣ мра-ка свѣтлосць раздѣлиши — вѣчна се естѣ родила между мракомѣ и свѣтомѣ брань; и овай честше побѣждавасе, нежели побѣждава. Истина — дщи небесна естѣ всюду но отѣ врага своего мрака боешьсе, жилища своя со-крыва, и свѣщу свою у одномѣ или другомѣ граду токмо, у одномѣ илѣ другомѣ дому, у гдикоего мудреца уединенному обиталищу за-палила естѣ. Облакѣ густый, ако солнечно-му свѣту прошивостоитѣ, насѣ за обла-комѣ стоящихѣ истиннаго свѣта лишаетѣ: како онѣ отступитѣ, осіаетѣ насѣ свѣтѣ. Едали за то солнце нѣе предѣ нами было? За-иста э было, но облакомѣ само закрывено. Кто свѣта ищетѣ, тойше свѣтѣ найти: кто на двери царя свѣта толчетѣ, тому-тѣесе отвориши; онѣ тѣе вныти, онѣ тѣе просвѣщенѣ быши. Облакѣ луче солнечно прогута, и до нашихѣ очесѣ дойти не допуца. Нѣе пошребно сыне мой! за найти солнце на друго мѣсто иши: нѣе пошребно за дости-гнути истину у Егупетѣ иши. Уклони
облакѣ,

облакѣ, солнце будешѣ предѣ тобомѣ. На
 оной, власпи моеи подчинѣной горы солнце
 — како видишѣ — оживотворяюще луче
 свое безѣ всякаго препятствія просыпа:
 овде и умно солнце — солнце вѣчне исти-
 не — луче свое не сокрываетѣ.

Ове рѣчи приведутѣ старца дѣйстви-
 телно у солнце очи бацыпи. Онѣ видѣвши
 да э то вещь повысоко, отѣ своего мѣста
 устанетѣ, и рѣчь споешьи овако про-
 должитѣ: ясе несумнямѣ, да желаніе швое
 мени открытое истинно естѣ: ибо приро-
 дно э чловѣческому уму то пражиши,
 что ты пражишь. Многису то испо —
 као и ты пражиши почели; многису пупь
 къ Мемфису предузимали. Обаче или на
 пупу не доспѣвши до желаемого приста-
 нища духѣ предадутѣ: или ако и у Мем-
 фисѣ дойдутѣ, истину праву нечуютѣ:
 ибо ова не приподаешия тамо тако легко вся-
 кому, кой приходитѣ. — Я тебе садѣ оста-
 виши морамѣ. Время э вещь дѣла мени
 надлежаща исполнявати — ты вратише отѣ
 кудаси дошао — храни тайну, швоего са-
 мномѣ разговора. Знаи, да желающіи истину,
 у всякой добродѣтели упражняватисе имѣ-
 ютѣ; наипаче же у храненію тайнѣ тако-
 выхѣ, кое изявлене намѣ убишокѣ, а нико-
 му

му ползу не приносятъ. У оно исто время — у кое днесъ, и заупра на горы моей найдисе.

Кандоръ се дома возвратитъ: и весь день о разговорѣ размышлявающыи, као у сну проведетъ. Дойде вечеръ и время покоя; но овай днесъ за него нѣе на свѣту быо. Текъ что э легао, ветьсе преза, ветьсе боитъ, да се не одоцнитъ, премъ да еще ни очи заклопю нѣе: съ величайшимъ нестерпѣниемъ зору мыслилъ. Далекѣ бѣжитъ отъ нѣга сладкѣй сонъ: онъ не усыпа на препавице его обаятелне свое паре. Садъ онъ Морфеа молитъ, да га подъ одежду свою прѣимитъ: садъ то отпрыче и успати мыслилъ. Онъ успане: онъ се облече, пошайно изъ дома отыде, спѣши на гору и тамо старца своего чека. Спрашисе, да старецъ нѣе ветьшу быо; да нѣе опеть возвратѣосе. Но овай э близу нѣга быо, и за еднымъ священнымъ распомѣ молитву свою совершавао. Кандоръ старца не видитъ; но чуеъ отъ нѣкуда рѣчи; спанетъ; слуша; овому воздухъ у уши донесетъ — Епо лучи вся оживляющаго солца: садѣе оне землю освѣплити. Опеть э новый день за насъ смершне родѣосе! мы смо крозъ тму до нѣга дошли. О Творче! кто насъ э шу хранѣо? Колико сыновъ о

Оп-

Отче, тебе днесъ хвалятъ, да они живутъ, да се со своимъ житіемъ, съ своимъ твореніемъ, съ своимъ благостію увеселяютъ. Все сердце мое твоя есть жертва; первое его чувствованіе есть благодарность къ теби.

Тыси благъ! тыси святъ? тыси великъ во всѣхъ дѣлахъ твоихъ! красныя солнца лучи являютъ намъ столько блага, бояси ты тако щедро около насъ, и за сасъ просую! А солнце! изъ нѣга на насъ глежитъ твоя все одушевляюща благость. Тыси э опредѣлю, да будетъ источникъ свѣта, теплоты, источникъ жизни. Изъ нѣга происичетъ животъ и благословеніе на господственное твое созданіе. Свѣтомъ его возраждавасе у нами свѣтъ истины, свѣтъ познавати тебе творца, отца и благодѣтеля рода человѣческаго. Сіяніе, слава, господство, порядокъ, красота, многообразіе, единство! какова понятія! ихъ само единъ человѣкъ мыслиши можетъ. А могль бы ихъ мыслиши, да му солнце очи не просвѣтили? Оно э свѣтъ за наше очи чувственне! Тыси свѣтъ за наше очи душевне! Тыси единый правый источникъ всего свѣта. Оно насъ къ Теби о Отче всякаго блаженства доводитъ. Я

идемъ

идемъ къ дѣлу! подкрѣпи мя силою твоею! учини да о тебѣ мыслимъ, сама себе у добродѣтели упражнявамъ, разумнѣи, праведнѣи, милостивѣи и совершеннѣи будемъ. Благослови предпріятія моя, благослови начатое дѣло мое.

Старецъ молитву совершилъ, и повисе юноши, кой до сада никакое швари около себе невидѣвши привидѣніе все быти мысляше.

Онъ усмотритъ юношу, и даму знакъ, даму слѣдуетъ. Кандоръ, все его рѣчи разумѣти не могущій, у воображенію своему садъ старца за испа за мечпаніе или божество у смертно тѣло облечено держаше, и пропившисе недерзаящи ему въ молчаніи слѣдоваше. Старецъ предъ нимъ идетъ, но рекаобы на землю не спаетъ. Текъ чпосу отъ мѣста вчерашняго разговора къ западу на нѣко опстояніе дошли, Кандоръ преко едне долине на страны другой шумицу предивныхъ древесъ упазитъ. Онъ до днесъ за ню ніе знао. Криспаловидна вода разсѣцала э на много мѣста долину, и оспровитъе малене правила, на коими разновидное цвѣтъе тако благимъ естествомъ есть разсушо было, да весь воздухъ пріяшнѣйшимъ благоуханіемъ наполненъ баше.

Она

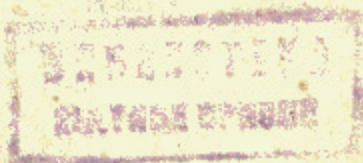
Они восхитишелну ову долину прешедшии до лѣса реченаго дойдутъ. Что они далше у шуму хождаху, шо дрeвеса и выша и густія бяху, тако, да на послѣдокъ ошъ густине никуда иши не могаху. Старецъ на едно — по доста знакомо — мѣсто спанетъ, гдѣ тысящу тысящъ прущиша густоту такову причинявали есу, да луче солнечне до землѣ проникнути не могаху. Старецъ окренувшисе къ востоку, нѣке рѣчи юноши невразумишелне изговоритъ. Внезапу врата шымъ испымъ честымъ прущемъ покрывена отворесе, коя — како мы пройдемо — съ великимъ шумомъ на старо мѣсто свое спанутъ. На полю предъ овыми вратами оставитъ старецъ свѣщу и книгу, о коей в горѣ рѣчь была, и кою онъ и днесъ у рукахъ имао.

У каково не спупитъ юноша нашъ удивленіе, видетъи предъ собомъ величайшій неизглаголане красоте верпоградъ. Два реда кедровъ, и величиномъ и старостію еднака очимасе представе, коя рекаобысу у единъ день посаждени были. Долгота оваго ходника (але) естъ шоллика, да дрeва коихъ главе въ облацѣхъ сокрывалесе есу — по великомъ отстоянію саставляшисе чиняху, и очима далше зрѣніе пресѣцаху. За дрe-

веса

весы на обе стране естественне красоте
 тако непорядочно, и тако вкусно помѣшане
 бяху, рекаобы да э естество и у самомъ не-
 порядку порядокъ изящнѣйшій показати хо-
 тѣло. Воздухъ ихъ окружающій мирисомъ —
 коего юноша до днесь искусію ніе — наполнивъ
 гласъ многоразличнѣйшихъ ппидъ къ его
 восхищенымъ ушима доношаше. Ніе можно
 красоты описати предивнаго оваго мѣста.
 Пупника два дойду на мѣсто, отъ куду као
 изъ средоточія цѣлый верпоградъ видипи-
 се могаше. Текъ что пупъ изъ ове сре-
 дине къ востоку предузму, кадсе спарецъ
 на лѣво савіе. Кандоръ прекраснѣйшу упа-
 зи Палату, коея внѣшности вещьсе онъ уди-
 вляше, внутренность обаче — дошавши ша-
 мо — до мнѣнія доведе, да онъ на земли
 выше не находяшесе, но у нѣкомъ небесномъ
 рукомъ посажденомъ верпограду быши мы-
 сляше. Округла палата Амфітеатру по-
 добна, многе э у своему кругу себе имала.
 Вся э отъ мрамора иззидана, а на стѣнахъ
 художественными дѣлы есу изваяна была по-
 ля Елусейска — гдѣ душе по шаготахъ
 живопа оваго покоемъ се наслаждавають
 вѣчнымъ — Таршаръ — у коему безаконо-
 живущіи казнь пріимають своимъ дѣломъ
 сходную. Всяка добродѣтель имала э чув-
 стве.

ственное свое изображеніе: кождъ всяке бла-
 женая ея слѣдствія живо есу изсѣчена бы-
 ла. Гнусный порокъ, и беззаконіе такожде
 свое Символе шу есу имали, и ужасными
 своими слѣдствіями Кандора у шрепетъ
 приводили. На среды Амфітеатра една со-
 ба особито сведена баше, гдѣ на трапезы
 округлой свѣща живымъ пламенемъ горяща
 и книга со всѣмъ отворена лежаше. Поса-
 дился старецъ: Кандоръ по повелѣнію по-
 нешто учинишъ. Два служителя у бѣле —
 као снѣгъ — одежде облечена дойду и на-
 пишокъ нѣкій донесу, кой бойомъ убо млеку
 уподобляшеса, но, что до вкуса, боже-
 ственно пиіе быти видяшеса. Они опспу-
 не, а старецъ молчаніе прекратишъ, ясамъ
 тебе (велишъ Кандору) у овай никаковому
 непросвѣщенному неприступный верпоградъ
 увео: я тебе опеческимъ сердцемъ любимъ.
 Овде ничто да те у спрахъ не приводитъ.
 Овдешьесе теби очи разума отвориши: ов-
 дешьесе твоя за наукомъ жажда насыпиши;
 овдешьеш ты истину у самой наготы ея
 видѣши; но пошребно естъ прежде того
 вся живота твоего обспоятелства знаши,
 не пощади дакле шруда и желанію моему
 довлесошвори.

Кандоръ овако повѣсть свою зачнетъ,
 Далекѣ отъ великолѣпнаго оваго града, кой
 подъ горомъ лежитъ, у коему науке и вѣже-
 ства до високаго степене доведена есу; но
 у коему худыи раскошъ и гнусное сласто-
 любіе бѣдными почиташелей своихъ награ-
 ждаетъ слѣдствіями; близу — онаковыхъ
 мѣстъ, гдѣ блажена простота, гдѣ не-
 скверная жизнь и цѣломудріе лѣта обыва-
 шелемъ даетъ Неспорова; гдѣ сердце юно-
 ши никогда забранѣна мысль не оскверняетъ;
 гдѣ крайнѣе всѣхъ пороковъ незнаніе
 со добродѣтелною жизнью и святостію об-
 хожденія брагскимъ связана супъ союзомъ
 — находящеса усамлѣна една колибица, у
 коей очи мое оваи свѣтъ первый пупъ
 видиле есу. Родители мои — какосамъ я
 то послѣ примѣнію — у великомъ кодъ со-
 сѣдовъ нашихъ были есу почитанію: вси
 су ихъ за совѣше пышали: вси у шаготы
 каковой нибудъ отъ нихъ помощь искали:
 вси су ихъ за обще предѣла старѣйшине
 держали. Дѣтинство мое провеосамъ я по
 ливадама, шумицама, — коесу малый нашъ
 Домъ окружавале — скакаюшьи, за стадомъ
 идущьи, и простымъ людемъ обыкновенна
 шворешьи. Ясамъ щасливъ быо, но щастіе
 нисамъ ощущавати знао. Предѣлъ, у коему
 наша

наша колибица лежаше кто бы описать могао? Туте всяка живоша старость заборавити, шу всяко попеченіе неспати мора. Ту у густыхъ но тихихъ шумахъ, шу у широкообразношарномъ полю—гдѣ естество рекаобы говориши хотяше, а ничто меньше у торжественномъ молчанію величественно пребываше—ударенія сердца всякаго пупника есусе усугублявала. Нїе онѣ могао восхитительный овай оставити предѣль. Ако э ногу съ мѣспа макнути хотѣо, сердце га на прагѣ влекло. Онѣ се отпергнути мыслишѣ, но еще единѣ крапѣ красомѣ дивныя природы очи свое насытити желитѣ. Онѣ на мягкой предѣла оваго правицы членове одмара; и вѣчно ихѣ одмараши желитѣ. Нигдѣ онѣ нїе могао шакове уединенія прелести видѣти; нигдѣ пищу гонящихѣ его мыслии чувствовати. Его разсужденія свободный ходѣ у пошасной овой страны находятѣ. Горе сусе около дола као вѣнецѣ разпростерле, у коима тысящу гласовѣ лѣсныхѣ ппичицѣ волное и никому неподложное естество оглашаху, и онаго, кой слуша, у тихій санакѣ уводяху. О дивна отечества сладчайшаго спрано (возопіетѣ овде Кандорѣ) кадшю я красну швою землю полюбити, кадлишю родителѣ мое загляти мощи!

Тѣло мое (продолжава онъ далше) тако у
 естество живущи скоро возраститъ; а и
 отецъ ми разумъ, колико э тогда за мене
 было, украситъ. У едно лѣпно вече, когда
 мы по совершенію труднаго дѣла полняго
 при вечера простой сѣдимъ, и выше раз-
 говоромъ нежели ястіемъ наслаждаваемосе,
 изъ ненада страннѣйшій изгубившій путь,
 къ нами у колибу дойде, помози Богъ на-
 зове, и можешли кодъ насъ приношѣиши упы-
 ша. Страннопріимство э страны нашей
 природно. Родители мои о таковомъ ща-
 стію развеселесе, страннаго пріиме, и сѣ-
 чимъ су могли, и что э време године до-
 нело, угосте. У кошарицы одной гроздіе
 рукомъ мойомъ узбрато, у другой раз-
 лично овошье, кое э маши моя онай день
 скупила, и една чиница скорупа была э частъ.
 Отцу моему особито э поволно было стран-
 наго присушствіе: онъ сѣ нимъ цѣло вече
 разговарашесе, и за различне вещи испы-
 тываше. Ясамъ долго време ихъ разгово-
 ре слушао, но сонъ ме превлада. Я незнамъ
 доклесу они сѣдили. У юпру мене отецъ
 мой къ себи зовнетъ, и явитъ, да е гостѣ
 нашъ изъ великаго нѣкаго Града, гди Нау-
 ке за то време у цвѣшту есу были: да э
 онъ мене тамо послаши радъ; да се стран-
 ный

ный мене са собомъ узепи опредѣлю
 есть: дашьеме (Родитель) онъ често по-
 ходити и съ потребными снабдѣвати.
 Кто э то радїи отъ мене быо? видѣши
 градъ! велике палате, велико э то за мене
 было. Ясе опросимъ съ родители моими,
 и съ пупникомъ у градъ дойдемъ. Кра-
 сна за мене позорища! како люди прче!
 како дѣла своя опправляютъ! какосе нераз-
 умѣваютъ. Овай вычетъ, онай плачетъ,
 онай болестну одну госпожу у стаклены
 колицы влечетъ. Всякій день самъ я что ново
 видѣо, и великому людеи смятенїю чудїосе.
 Послѣ нѣколько дней уведенъ будемъ я у учи-
 лище. День по день у вѣжествахъ распи-
 ши почнемъ, на велику родителя моего
 радость, кой э често у градъ долазїо и
 мене къ наукамъ ободрявао. Но, чтосамъ
 я выше у внутреность овыхъ улазїо, то
 самъ я все шире и шире поле видѣо, кое э
 предамнонъ невоздѣлано лежало. Многократ-
 носамъ я училемъ моимъ вопросе различ-
 не предлагао; но они суми говорили, да по
 еще за мене нїе, или акосуми и отвѣт-
 ствовали, задоволенность вопросу моему ни-
 су учинили. Ясамъ се трудїо оно, чтоосу-
 ми они смѣшено и темно казали изяснити,
 но все: ибо коликосамъ я выше жаждь мою

насытити желію, толико се она выше распалывала. Кажемъ я все по одному, моему опцу. У разговорѣ томъ онъ мени о Мемфису говораше, но будущи да я тамо дойти не могу, мени совѣтоваше, да я съ нимъ доволенъ будемъ, что онде научити могу, и прочи овога края люди (говорію э онъ) овдесе уче, онису съ пими науками доволни: начто теби выше? да наше опечество выше потребуешъ, и выше бысе увело. Но весь его разговоръ за мене э ветъ суешанъ быо; я самъ ветъ чуо, да науке у Мемфису найбільше цвѣтають; тосамъ я памтію: день и ноць о тому мыслію. Много времени я проведемъ у недоумѣнію, что творити, но, на послѣдокъ опредѣлимъ, опечество мое оставити. Вчерашній э день день опшествовїя моего быо; но благое Божество, кое вся наша намѣренїя знаетъ, и акосу добра, съ дѣйствомъ увѣнчиваетъ, благоволило естъ мене сподобити, да я тебе найдемъ. Отворими дакле о Божественный муже! путь къ истинѣ! отворими тайну щастїя чловѣческаго.

Овако соверши рѣчь свою Кандоръ. Спарецъ преузме слово. Все люди мой Сыне! — дозволими милымъ овымъ тебе называ-

зываети именовѣ — истину праже, и пра-
жилисѣ отъ како э вѣка. Желаніе ово
естъ у сердце челоѣческо усаждено, ниши
се отъ тудѣ каковомѣ му драго силомѣ
искоренити можешѣ: Первый всѣхѣ смерп-
ныхѣ. Отецѣ — Адамѣ — овому у со-
ставѣ его всаженому закону пропиво спо-
яни не могуши, отъ плода Богомѣ забра-
нѣнаго древа — древа познанія добра и зла,
то естѣ: познанія истины — окусіо естѣ.
Толико э желаніе истины у нѣму возмогло,
да онѣ и со преступленіемѣ заповѣди твор-
ца своего ю пражити естѣ усудіосе! По-
слѣ того покушенія, ничпосе до Егѣптя-
новѣ незна. Онисѣ изѣ между всѣхѣ про-
чихѣ Народовѣ найближе кѣ истины дошли:
но ова ніе ту природну ей ползу имаши
могла, запо; что кодѣ нихѣ все то подѣ
завворомѣ предавалосе естѣ. Все оны пре-
мудрїи Грецы, высокопарящїй Аристопель,
дика рода челоѣческаго; божеспвенный Пла-
тонѣ, величайшомѣ воображенія силомѣ об-
дареный онай Платонѣ и прочїи до Сокра-
та Фїлософи всеу су истину пражили. О-
на два долазила есу до нѣныхѣ палатѣ, но
богатою воображенія силою на облацы, а
не на земли живешїи преко нѣ преходили е-
су, и чпосу они отъ туда выше ю пражи-
ли,

ли, тосусе отъ жилища ея выше удалява-
ли. Другіи у нихова времена бывшіи мудре-
цы путь нѣнѣ нису погодили, но узевши
другій у предѣле истины неподчинѣне до-
шли, и тако у оной безконечности со всѣмъ
изгубилисе есу. Заборавіосамъ я теби каза-
ти, да прежде овихъ еще, Пѣагоръ не са-
мо до дверей ея естъ дошао быо, но и у
самый дворъ уступити сподобіосе. Но о-
вый, многие унутра уводити начнетъ, коихъ
ни сердце ни глава за такова обиталища
нису соспавлена была: зато послѣ смерти
его свѣща истины угасиласе, нити до Со-
крата ужегласе естъ. Овай добродѣтельный
мужъ, кой э добродѣтель за конецъ и на-
мѣреніе живота своего держао. и у дѣлу
паче всего почитао и хранію; — истину,
коя э прежде его чрезъ нѣке ложне мудре-
це — Софісте — гонѣна на небо възити и
тамо пребывати морала, паки съ неба долу
довести и намъ спріобщити себи предуз-
ме. Но многіи беззаконніи, коимъ э его
животъ смерть, смерть естъ животъ быо,
злымъ оклеветаніемъ, и безчестнымъ опо-
роченіемъ дополъ ему навѣще пворили
есу, докле свяшый овый мужъ нѣе прину-
жденъ быо добродѣтельный свой животъ
съ отровомъ увѣнчати. Отъ него до спа-
сителя

сншеля мїра истина на свѣтѣ нїе изыти смѣла. Черный мракъ — глупое суевѣріе — злбна превара—междоусобна ненависть царство на земли основаши усудесе. Искупитель свѣта свѣтѣ на землю ссобомъ донесе: онъ насъ опца своего и опца нашего познаваши научишъ: онъ честность, добродѣтель, правду, любовь есть всѣмъ проповѣдао, и истину всѣмъ божественне его рѣчи слушаши хотящимъ просто предавао. Обаче и онъ по нечисленому гоненію и поруганію и душу свою за истину положишъ. Луче, науке его небесне многихъ есу осїале, но всякій по понятію своему есть другимъ начиномъ у себе ихъ прїмао, преламывао, и отъ себе давао. Тако э быти могло, да его наука у различныхъ главахъ различна дѣйствїя есть имала. Природно э чловѣку желати да всякій его мнѣнїя будешъ. Многіи дакле отъ послѣдовавшихъ его ученію колико истиномъ, толико можешъ быти и славолубїемъ возбуждены кругъ свое дѣятелности распространити, и мнѣнїе свое на далше разширити есусе поспрудили. Но всяка вещь предѣле свое има, изванъ коихъ она быти не можешъ. Тако и овы хотѣвши съ капльомъ

воде

воде море умножиши, и упалѣномъ свѣ-
щомъ, солнца свѣтлости додати; хотѣв-
ши истину истинишю учинити, предѣле
прошли, и у тако страшный Лабіріноувъ за-
мерсилесе есу, да само гдѣ кой Аріадновымъ
концемъ обдареный отъ туду врапитесе и до
предѣлѣ истины естѣ дойти могао. Колико
тысящъ смертныхъ и сада ю по Лабіріноу пра-
же. Знай обаче о Кандоре! да многіи что они
мысле, дасе ближе къ ней приближуютъ все
выше и выше отъ нѣ удаляются. Отъ мѣ-
ста источника нѣна—гдѣ она сама лицемъ на
свѣтлѣйшемъ престолу сѣдитъ—на все спра-
не путови се виде, коима къ нѣной палаты при-
ступитесе можетъ. Близу ея двора находится
и другій, коего внѣшнее украшеніе тако пер-
вому естѣ сходно, да онай, кой само отъ внѣш-
ности на внутреняя заключава, нѣга за праву
истины палату бы узети морао. Но искусно
око примѣшити э могло. да красота та нѣ
вещественна, но само на коры лежитъ. Рав-
нымъ образомъ и около ове палате есу путо-
ви /къ ней водящій, коисе со оными—правыя
истины—на многихъ мѣстахъ пресѣкаютъ,
сѣ ними до нѣкоего опспоянія за едно хо-
дятъ; пакъ се опетъ отъ нихъ отискуютъ;
тако да добро хранитесе треба, да хотѣв-
ши правымъ путемъ ити у нихъ недоу-
дутъ

дупѣ: Потребно есть всякому — кой къ двору истины ипи хоцетѣ, различіе знати, кое изѣ между ова два пута находится. При первой точки, отѣ куду мы пушешествіе наше починѣмо, все зависитѣ, кудашьемосе окренути! Честосе оно кратшимѣ пушемѣ найде, коесмо мы долгимѣ пражили. Не треба за истиномѣ прчапи, ибо боятисе есть, да поредѣ нѣ, ню непримѣшивши, непротерчимо. Она э всегда близу; она э всегда кодѣ насѣ — ако и сѣдитѣ на престоу своему — ибо э вездѣсуца: само образѣ нѣнѣ познати, и отѣ нѣне ревниелнице разазнати треба. Не треба ню со глубочайшими нѣкими и неудобѣ вразумиелными разсужденіями пражити. Но по смершны не знаютѣ, и хотешы найши свѣтѣ мракѣ стигнути прудятѣ. Казаосамъ я теби, како э кратко оно время было, када э божешвенный учитель свѣтѣ ся проповѣдао. Такова времена не бываютѣ често: есу врло рѣдка; и зато крѣпчайшаго пямешествованія достойна. И сада, любезнѣйшій сыне мой! и сада — у наша времена — истина предѣ врапы стоитѣ; само чека дасе отворе; гошова униши.

Ово рекавши старецѣ устане, и Кандору слѣдовати рекне. Уведега у одну ма-

лу собицу, гдѣ прозора не бѣше, но свѣтъ
 чрезъ одну малену рупицу ухаждаше. Текъ
 что э тма по собы растерата бѣла. Та-
 ко да духъ твой (говоритъ старецъ юно-
 ши) свѣплостію истины просвѣщенъ, и
 вѣщаго свѣта достойнъ будетъ. Ту
 пребуди и о себи разсуждавай—Заутра раз-
 говоре наше продолжавати будемъ. Вѣтъ
 э Солнце послѣднѣ луче свое на землю про-
 сыпало. Тма изъ долинь глубокихъ исхо-
 дяща естество у мрачно одѣло облекаше.
 Само высочайшихъ Кедровъ верхови огне-
 нымъ заходящаго Солнца шаромъ позлаще-
 ны быши чиняхусе. Умолчала природа. Вся-
 ка шровка главу подклонила.

Кандоръ самъ отъ старца оставленъ
 торжественное ово молчаніе прекине. Бо-
 же! источниче живота моего! коего бла-
 гостію я опеть единъ день совершумъ.
 Первая моя днесъ былъ еси мысль, буди и по-
 слѣдня. Благодарность и любовь къ теби
 да будутъ послѣдняя моя чувствованія. Еще
 э животъ и здравіе при мени. Оба чрезъ
 тебе. Тысими дао силу, и понятія! ты
 мене пушу живота учишь! ты мене чрезъ
 разумне и добродѣтелне люде учишь! ты-
 си мой отецъ, мой вѣчный благодѣтель.
 Благодарю тя за вся радости и благая дне
 сего.

сего. Прїими мя подъ твоя крыла! Сподо-
би мя здрава съ постели воспати! Бла-
гость твоя да будетъ надомною и надъ
всѣми человѣки.

Еще нїе воспочна спрана зачервенилася
была, и младый Кандоръ у прекрасныхъ сно-
видѣнїяхъ забавляесе, кадъ ептои старца
къ нѣму, успай (вели) о Кандоре! успай,
сада э время размышленїя! ни една мысль
наша у ходу своему препяшпвовапсия не
можешъ! Все э еще полумертво. Успай,
да молимо Высочайше Существо за нове къ
препрїятїямъ нашимъ крѣпости. Они дой-
ду къ вчерашнему мѣсту. Спарецъ споепши,
руке и главу къ небу обративши овако го-
ворипъ.

Новый живопъ, нову силу, нову ра-
доспъ у пѣлу моемъ чувспвуемъ. Сладкїй
сонъ мене э укрѣпїю. Живопъ, здравїе есуми
сохранѣни, да съ нова дѣйспвовати могу.
За онай конецъ дѣйспвовати о всеблагое
небо! За койси пы мене на земли овой
произвело. Благополучїе брапїе мое, бла-
гополучїе цѣлаго свѣта да будутъ конецъ
всѣхъ моихъ предпрїятїй. Разумно, добро-
дѣшело живипи, пудолобно дѣлапи, и
всякому человѣку добро желипи! шо я могу!
шо я хошу! степени блаженства моего на
земли

земли зависятъ отъ мудраго употребле-
 нія свѣтлости, коя мени свѣтитъ, и
 отъ труда моего, съ коимъ я все ближе
 и ближе къ свѣту се приближавамъ. Да я
 ове истине знадемъ; да другимъ ихъ пре-
 давати могу, все э швоя благость о Отче
 свѣта! и истины! о koliko спасенія, ко-
 лико утѣшенія челоуѣку даетъ истина, чи-
 стая истина. Тыси трудъ мой благосло-
 вїо — Ясе дивимъ чудесемъ созданія швоего:
 дивимъ се вѣнцу всего шворенія! вѣчно я
 къ теби приближавашисе морамъ! какоси
 возвеличіо челоуѣка! радостно я къ дѣлу
 идемъ, и радостно вѣ потѣ лица моего я
 дѣлаши хошу. Благослови дѣла моя!

Оба сѣдну. Нїе намъ отъ потребе
 (почнетъ слово старецъ) нїе отъ ползе
 далше проспиратися, докле о одной исти-
 ны увѣрены не будемо, коя всѣмъ прочимъ
 за основанїе служитъ. Какова э полза мени
 отъ моего живота? какова полза отъ ис-
 полненія благихъ дѣлъ; — ако я съ овымъ
 привременнымъ живомъ неспанемъ? —
 ако она груда, коя шѣло мое покрываетъ и
 духъ мой вѣчному передаетъ забвенїю? А съ
 каковымъ шьемомъ мы восхищенїемъ все е-
 стество и насъ самыхъ гледаши, када сами
 себи казаши узсмѣмо: челоуѣче! тыси без-
 смер-

смертенъ! — Душа э твоя за вѣчность со-
творена — вѣчно э твое шествіе — Боже-
ство есть твоей источникъ, тыси капля
отъ туду! тышьешь се къ Богу твоему
возвратиши, и добродѣтельше твоя на-
граждена быши.

Ничто на овому свѣшу сотворено нѣе,
кое небы свой конецъ себи опредѣленный
имало. Ово э шаково правило, по коему мы
и оне вещи — кое мы на первый взоръ уди-
вленія достойне и не почиавамо — рассу-
ждавающыи, къ почипанію онаго движемосе,
кой э ихъ виновникъ и совершилель. Ове
безчислене вещи — у естеству — шако сою-
жене есу междуособно, да конецъ еднихъ
служитъ за средство другихъ; шако на при.
Конецъ благоухаемыхъ траницъ есть есте-
ство украшавати и благоуханіе распроспи-
рати: но ово э исто чловѣку средство се-
бе увеселявати и здравіе свое сохранявати.
Когда мы все естество орловымъ взоромъ
прейдемо, найшишьемо мы оваковыхъ при-
мѣровъ безчисленное множество. Смертніи,
чловѣцы за понятіе болше и лагше, раздѣ-
лили есу все ово видимое естество у 3.
часпи, кое они есу царствами назвали. Ако
отъ послѣдняго почнемо, тошье перво
быши.

Царство каменное, у коему есть все мертво. Второ

Царство растѣній, у коему существва (траве, древа, цвешье,) живутъ, но движенія произволнаго не имѣютъ. Третіе назвали есу.

Царство животныхъ, и у нѣга все проче твари (скопе звѣрове, ппиче, гады и пр:) и человекѣ положили.

Ніе намѣреніе мое теби овде пороке и погрѣшке оваго раздѣленія описывати, и тебе напо внимателна сотвориши, да естество всюду порядокъ — колико простѣйшій толико и совершеннѣйшій — хранишъ. Само самъ я то за то навео, дабы ты видѣши могао, какое то все взаимно связано. Почавши отъ прашка найменшаго, найхудшаго до драгоцѣннѣйшаго камена — отъ травчице, коясе ногомъ газитъ, до горда и верхомъ своимъ облаке просѣкающа кедра — отъ мравка до вѣнца всего созданія видимаго — до человекѣ, всюду мы видимо порядокъ: всюду мы познаемо да Царство божіе на ова три столпа основано есть.

Истина — Разумъ — Рядъ.

Кто то зна, онай зида себи щастіе,
и животъ у земли.

Благополучія — Удоволствія —
Услажденія.

Ово красно царствія Божія урежденіе
свой конецъ имапи мора: овай конецъ есть
— по нашему разсужденію — у челоуѣку.
Онъ бо цѣлое естество аки средство упо-
треблява, и надъ нимъ по власти и воли
своей царствуетъ. Но кой э конецъ чело-
уѣка? Зачто э онъ сотворенъ?

Безсмертіе и вѣчная жизнь со разу-
мѣніемъ есу твое жребіе о чело-
уѣче!

Да бы мы о тому болше опредѣлиши
могли, попребно есть опъ насъ самыхъ пу-
тешествіе предузети. Гледетьи челоуѣка
у различныхъ обстоятелствахъ легко мы
видѣти можемъ, да онъ две части со всѣмъ
различне, и себи взаимно проотивне у себи
соединяетъ. Една есть тѣло, втора: духъ.
Овай заповѣда, оно дѣла; овый есть го-
сподинъ, оно орудіе. Тѣло наше ищетъ

увеселенія чувствительна, ищетъ наслажде-
 нія тѣлесна, и человекъ чувствительный нико-
 гда чувства не превосходитъ. Конецъ тѣла
 есть дакле (*)

Удовольствіе.

Духъ нашъ всегда у дѣйствію находит-
 ся. Садъ у мудрости себе упражняетъ, садъ
 что э добро нашао, исполняетъ, или не
 исполняетъ. Внутреня дакле человека (душе-
 вна, духовна, разумна) два конца быти
 долженствуютъ. Внутреняго разсуждаю-
 щаго (умствующаго) человека. —

Премудрость.

Внутреняго дѣлающаго, (дѣлаши хо-
 тящаго) —

Добродѣтель.

Перво и последнѣ (удовольствіе и до-
 бродѣтель) за едно быти не могутъ: ибо
 ондесе тѣло наслаждается часто, гдѣ добро-
 дѣтель всяка отсутствовать должна: а на
 противъ того, добродѣтель многократно
 со лишеніемъ всѣхъ временныхъ благъ по-
 есть: со смертію токмо сохранится мо-
 жетъ. Гнусно бы было за конецъ всего че-

(*) Я овде всегда разумѣю чувственное удо-
 волствіе.

Человѣка чувствѣнное удовольствіе положиши, кое всегда за собомъ неспокойствіе духа влечешъ; кое неспокойствіе сколько выше растешъ, что человѣкъ выше себе сластолюбію предаешъ. У всякомъ дакле случаю, гдѣ бы ова два конца противостояла, всегда добродѣтель услажденію предходитъ и блесному: ибо ню что выше человѣкъ любитъ, тою выше любити долженъ, и себе токмо тогда щаслива быти мыслишъ, ако ю вѣчно любити можешъ.

Что се шиче премудрости (то естъ внутренняго разсуждающаго человѣка) она естъ всякаго желанія достойнѣйша; но будущи да разумъ нашъ разсуждающыи многе истинныя не поняти не можешъ, кое су за благополучіе рода человѣческаго важнѣйше, и безъ коихъ человѣкъ достоинство человѣка одержати не можешъ: зато онъ себе ограничена видешы, свой конецъ — премудрость — за цѣлаго человѣка почитати не можешъ, наипаче знающыи, да премудрость естъ участіе весьма маленаго числа смертныхъ, и да конецъ человѣка таковъ быти долженъ, коего всякій доспигнути можешъ.

Остаешъ дакле за конецъ цѣлаго человѣка.

Добродѣтель, и премудрость должна ест
ей всюду мѣсто уступити, гдѣ бы она про-
тивъ нѣ дошла.

Первый всякаго нравоученія законъ естъ
самомъ себи сходно дѣлати.

Дѣлай себи сходно.

Все наше часпи, чувства, воображе-
ніе, память, разумъ, умъ, тако да дѣйст-
вуютъ, дасе менша вѣщшей, неблаго-
роднїя благороднїей покарятъ. Изъ оваго
единого закона (акога добро разумѣвамо)
вся прочая нравоученія правила доведиши
могутъ. Мы сами себе любимо, и всяко
добро желимо, да по тако будетъ, потре-
бно естъ, да отъ другихъ препятствована
ны не будемъ; слѣдователно тако спросту
нихъ дѣла наша управити имамы, да насъ и
они любятъ; да намъ добро чинутъ; у неволи
помажутъ; мы дакле по исто треба да
творимо, что отъ нихъ ожидавамо. Мы
себи сходно не радимо, когда страшемъ
нашимъ махъ пустимо, когда ихъ зазда-
ти не знамо, не хоцемо: но когда себе до-
бродѣтельными дѣлы у вѣщшее соверше-
ніе доводимо! аще тако творимо, да наша
дѣла такова будутъ, дабы ихъ весь свѣтъ
— или едино царство разумныхъ существъ

— за правило дѣяній своихъ узепи: — да дѣла наша, ако бысе вси люди у нима тако упражнявали, все щасливе сотвориши могутъ. то э права добродѣтель: то э конецъ внутреняго челоуѣка.

Ову науку есу многіи мудрецы учили, но колико э ныхъ все спаситель нашъ превышао? и каковымъ э онъ себе примѣромъ намъ поставіо? Нейма щастія, нейма спокойствія духа безъ добродѣтели. Всяка друга сласть, гнушеніе за дѣйствіе имѣетъ: но она насъ всегда на вѣщій услажденія степень возводитъ: она едина естъ опрасль божества: она едина наше блаженство устрояетъ: она едина насъ самому боже-ству уподобляетъ. Подвигнемся дакле на высокій степень достойнства челоуѣческаго! чувство — гдѣ годъ духу пропи-вися — овога власти покоримъ. Возлюбимъ и враги наша. Дѣлаимъ тако, да воспоминаніе дѣлъ нашихъ всегда съ радостію за насъ союжено будетъ. Осладимъ животъ онымъ, кои горкостію его побѣждены бывають! Подвигнемся на крылахъ — чистыхъ, и незлобныхъ дѣлъ выше челоуѣка. уподобимся самому шворцу. А ты Боже! коего благостію я опеть единъ есамъ провео день, успи у сердца всѣхъ че-

человѣковъ благая помышленія, благая
 предпріятія! умудри смертныхъ, да познаду
 красоту добродѣтели: да разумѣютъ, да
 оны за ню живутъ, и да безъ нѣ вѣтъ
 умерли есу. Како что великолѣпіе днеш-
 няго дне не стало есть, такошьесе и вся
 проча дѣла угасиши. Слава землѣ есть по-
 мрачена; солнце ей красоту даетъ. Добро-
 дѣтель есть солнце наше. Благость швоя о-
 творче! украсила есть путь ея съ цве-
 тьемъ: но премудрость швоя додала есть
 терніе. Благослови отче! вся человѣки!
 сотвори ихъ всѣхъ добрыми, благо и до-
 бродѣтельными.

Ово слово совершивши, узме старецъ
 Кандора за руку и у другу нѣку много вы-
 ше просвѣтлену собу уведе, гдѣ онъ на
 мраморной стѣны златыми словы слѣ-
 дующе рѣчи изображене видитъ.

Чувство.

Удовольствие.

Духъ.

Премудрость.

Человѣкъ.

Добродѣтель.

Безсмертіе.

Совершенство.

Между тымъ э солнце велику часпъ кругообращенія около землѣ сотворило, и нѣкимъ смертнымъ свѣтѣ яснѣйшій донело, прочимъ же по различію положенія своего къ нимъ вечеръ, утро - полнощи и проча времена дало. Старецъ видѣвши да се у вертограду его скоро день преполовлява, оставишъ Кандора собственному размышленію и мало за тымъ съ просто-угошовленнымъ яспіемъ доидетъ. Послѣ оваго поведетъ Старецъ юношу у вертоградъ, за показати ему все ту собране благодатнаго естества красоте. Вещь пшичице поплотомъ солнца у сѣнке операте у хладу или пѣсне свое пѣваху, или раскошно чрезъ густое кедровъ листіе една за другомъ лешяху. Всякій э цвѣтакъ главу свою на высочайшій подвигао степенъ, мурисе свое найсилніе просыпао и само еще нѣколико міну-

мінуповѣ ожидавао, да преклонитѣ главу,
 вѣнцемѣ сѣме свое покрывѣ и тако на-
 ступающій вечерѣ и ношѣ новое благоуха-
 ніе у себи возобновляваютьи безбѣдно преи-
 детѣ. Као когда божество ангела сво-
 его каковому нибудѣ смертному на хране-
 ніе послетѣ, да его за руку преко всѣхъ
 бѣдствій овога свѣта водитѣ, и даму не дастѣ
 нигдѣ о камень преткнути ногомѣ: такоє
 Кандорѣ у старцу хранителя своего имао.
 Они иду по ходнику, на коего гдѣчто луча
 солнечна чрезѣ густолиственна древа па-
 спи могаше: онѣ се сѣ нимѣ разговара о
 первомѣ ономѣ существу, кое в небо и землю
 у овай видѣ поставило: онѣ предѣ нимѣ
 разсуждава о оному безконечному свѣту,
 коисе всѣмѣ смертнымѣ — просвѣщенія ишу-
 щимѣ — сообщава а не раздѣлявасе; онѣ е-
 му изясняетѣ ону вѣчну и безначалну исти-
 ну, коя укрѣпляютьи душу чловѣческу у
 премудрости сердце его вѣ добродѣтели
 укрѣплява: и коя подобно солнцу — вся
 тѣлеса освѣпляющему — вся души просвѣ-
 щаетѣ. Кто (говораще старецѣ) до пре-
 стола, овога чистаго свѣта еще дошао
 ніе, слѣпошу на очима има и дни своя у
 густой тмы проводитѣ. Онаи, кой всю жизнь
 свою у мрачной подземной живитѣ темни-

цы нїе толикаго сожаленїя достойнѣ, ко-
 лико челобѣкѣ, кой правый истины образѣ
 никогда еще видѣо нїе. Онѣ му э послѣ
 того о всякой правки науку давао и пре-
 мудрость виновника превозносїо.

Кандорѣ у таковому блаженному мѣсту,
 у таковой прекрасной страны, при шоль
 премудрому старцу бывшїй чувство нѣко
 — до днесь нечувствовано — у тѣлу своему
 имати ощущаше. Онѣ себе щаслива почи-
 таше, и вѣчное пребыванїя оваго щастїе же-
 лаше. Онѣ высяше отѣ устѣ старческихъ,
 аки бы всяку его рѣчь — еще до полакѣ из-
 речену — прогуташи хотѣо. Пошавши ма-
 ло низѣ нѣко наклоненїе горе дойду до
 едине уединене пещере, кое черный изѣ
 спараго камена состоящїй сводѣ, шумяще-
 нѣ потока посреде пещере текуща, ма-
 лена часть чрезѣ единѣ токмо прозорчить
 уходяща свѣта всякаго ноге зауставляху, и
 у смутную меланхолїю сердце полагаху.
 Отѣ обе стране пещере разливашесе вели-
 ко езеро, у коему различны потоцы изѣ
 всѣхъ вертограда странѣ со спремленїемъ
 падаху. Лабуды отѣ снѣга бѣлїи, и проча
 по воды плывати обыкша - - - живошны-
 ня играшесе и видѣвши старца — да при
 берегу стоитѣ — кѣ нему идяше. Внидутѣ

ова въ пещеру и шу овако старецъ говориши начнешь.

Мысмо видели правило, по коему вся добродѣль человѣческихъ судится имать: видѣлисмо конецъ къ коему всякій на овому свѣту приближаватися долженъ: позналисмо, да добродѣтель паче всего почипати и всему предположити надобно, и да человекъ — за удержати достоинство свое, кое онъ како перво видимаго естества существо занимаетъ — и животъ свой добродѣтели подложити обязанъ есть. Какобы могло иначе человечество обстати? небыли се все разрушило? небыли се овый свѣтъ у ровъ разбойниковъ и человекубійцевъ премѣню? Но добродѣтель нѣ дѣло малаго времени: мы къ ней само по степену доходити можемъ; высоко есть она своей основала престолъ. Вѣчность ищется, за мощи къ ней дойти. Аще бы дакле человекъ вещь онда неспао, когдамусе шѣло въ землю возвратитъ, то бы онъ все себе добродѣтель за конецъ полагао, до кое онъ никогда шакowymъ начиномъ небы дойти могао. Но наше дѣйствіе нешье тако престати. Внутренній у нами обитаетъ человекъ, оно неразрушимо я: оно оставитъ, оно дѣйствуетъ, оно крѣпость свою

и радость свою умножаетъ: чистшая лопатія великаго Божія созданія — милоспивѣйшаго его промысла — союза междуособнаго всѣхъ въ вселенной вещей и шварей; — призна-
ніе да у Божеспвенному овому Царству все
къ вящшему идетъ совершенству: — соб-
ственнее чувствованіе, и искусство да время
ово и вѣчность заиста едно цѣло соспа-
вляющъ, и да се преходешь изъ оваго у
оний живопъ никаковъ степень негреска-
чепъ: — Познаніе да само едина добродѣтель
цѣну и важность человѣку даши можетъ: то-
су основанія, на коими духъ нашъ — оно
я — по временному овому живопу благопо-
лучіе свое зидаши будетъ.

О смертніи! како бы весело мы вси пре-
дусрѣшали смерть, аще бы овакова упова-
нія и овакова помышленія въ сердцахъ на-
шихъ царшвовала: аще бы весь прошлый
нашъ живопъ ничто друго, но единъ ланацъ
добродѣтельныхъ дѣланій быо! У каковъ
океанъ блаженствъ небы мы онда увезлисе!
И на овому свѣту су оно наши блаженнѣй-
шіи часи, у коима мы благихъ нашихъ дѣлъ
опоминѣмосе: улованіе безконечнаго и ра-
спящаго блаженства мора дакле вѣчну ра-
доспъ учиниши. Тамопье Богъ все наше
мысли вѣчно занимаши. Тамопьемо у дѣ-

ла его болше проникнути, много — что э чувспвеному оку завѣсомъ покрывено было — умными очеси видѣти. Тамопьемомо благоспъ, силу, премудроспъ у вѣчной его дѣапелноспи видѣти: шварей блаженіихъ, безконечно блаженіихъ, нежели на земли. — Чпосмо овде желили и уповали, шамопьемомо видѣти — *все Божіе швореніе у блаженспву, у вѣчному блаженспву.*

Нешью я (окрене спарецъ рѣчь къ Кандору) нешью я теби она доказателства приводити, койми су многіи любомудрецы безсмертіе человѣка доказати хотѣли, и коя колікосу отъ простаго понятія отвлечена, толико сумнѣнію и словопрѣнію многому подвержена. Но я хошу опетъ къ человѣку самому дойти. Начпо пражити изванъ его, что э у нѣму? Колікосе не мо-рамо радоваши, да человѣческій духъ у человѣку еспъ нашао доказателство за главнѣйшу вещь. Отъ себе самаго нека всякій почне — нека разсуждава — дойтишье онъ на все оне вѣчне истине, коесуму къ подкрѣплѣнію добродѣтели нуждне: ибо кто э тако обезуміо, да самъ себе быши отречешъ?

Законъ ищетъ, да ако бы самый животъ у сраженіе съ добродѣтелію дошао, ову

ову предпочести треба. Дозволими велишъ Кандоръ! О божественный муже! какво э слѣдствіе те добродѣли, коюсамъ я паче живоша любипи долженъ. Немогули я хра- метьши добродѣтель быти нещаснѣйшій? Ясамъ отвѣспвуетъ старецъ, по моимъ очима самъ видѣо, да добродѣтель часто спрада: но почекай мало, послушай внима- телно все мое доводе, да бы все у еданъ путъ пресмоприши могао.

Чпогодѣ мы на свѣшу видимо, ничто нѣ тако усамлѣно, ниши тако отъ всѣхъ про- чихъ существъ отдѣлено, да небы чпо прежде нѣга было, да небы узрохъ свой и- мало: тако видетъши древа, праве, люде, скопе, безъ многого разсужденія заключава- мо, да э всего того и прежде быти мо- рало: дасу древа, праве изъ бывша сѣмена, дасу люди, скопи отъ Родипелей своихъ. Но и обратно, всяка причина мора имати свое дѣй- ствіе или слѣдствіе необходимо нужное. Увре- дитъ ли мене кто (причина), сердце мое болѣзнуетъ (дѣйствіе.) Нейма на овомъ свѣшу ни найменшаго дѣла, кое небы ты- сящегубо у долгомъ времену дѣйствіе за собомъ влекло. Безмѣрное ястіе или питіе, болѣзнь главы причинява. Всякій онай юноша, коему э цвѣтѣ юности увео,
кой

кой на страшно упаломъ и осушеномъ лицу смертну носитъ блѣдношу, коего очи огонь природный изгубивше смутне погледе около себе бацають, слѣдствіе дѣлъ своихъ наиболее ощущава. Ходъ му э влекомъ: бѣжитъ га всяка радостъ; умерло есть за нѣга всяко веселіе: ничто прещущими руками прихватити не можетъ; память, разумъ и проче душевне силе у разслабленіе крайнее дошло: Тако всяка спрасъ гвозденомъ рукомъ своимъ слѣдствія изображава! Но да дойдемо къ нашей матеріи. Овое быо примѣръ за слѣдствіе спрасей. А какова напротивъ того радостъ, каково восхищеніе у внутрености сердца, онаго царствуетъ, коему совѣсть его кажеть, да э все время живота своего честно и еспеству и разуму сходно провео. Добродѣтель дакле красное дѣйствіе имѣеть, она еще и на овомъ свѣту почитателе свое внутренно награждава: ничто меньше внѣшное благополучіе на овому свѣту всегда небыва, а человѣкъ э шако (еданъ пупъ за все) составленъ, да онъ себе тогда за благополучна держитъ когда и духъ и тѣло никаковому бѣдствію подвержены нису. Представи ты себи единого добродѣтельного мужа, кой различными кабалами,

лобнымъ опороченіемъ не пріятелей своихъ
 до того доведенъ есть, да онъ у ужасной
 подземной шемницы животъ у вѣчному за-
 шоченію проводити принужденъ есть: пред-
 стави ты себи его къ смерти приближа-
 ющуюся блѣдность; его страшное состояніе,
 да онъ ни свѣта видѣти не можетъ, да онъ
 день ночь, да онъ весь животъ за правду,
 за добродѣтель спрада. Блаженное оно ма-
 гновеніе ока съ радостію ожидаетъ, кадъ
 шье смерть всему овому конецъ учинити.
 Ядный овай, заиста сходное добродѣтели
 награжденіе имао ніе: дѣла его блага нису
 дѣйствія своя получила; коему быти надоб-
 но: Колико напрошивъ того беззаконныхъ
 есть кои у щастію преизобилуютъ, кои-
 се добродѣтели ругаютъ, и за подсмѣхъ
 держутъ. Да оно дакле вѣчно правило не-
 нарушимо останетъ, да чловѣчество при
 добродѣтели останетъ, потреба предпо-
 ложити, да всяка добродѣтель, всякій
 порокъ у согласіе почнѣйше со слѣдствіа-
 ми своими дойти мора: да мора дойти,
 время, кадъшес е она добродѣтелиый за до-
 бродѣтель свою радовати, а беззаконный
 сходну дѣлу своему казнь пріимити. То у
 овому свѣту ніе было, има дакле еще е-
 динъ свѣтъ за гробомъ, има еще одинъ
 жи-

животѣ послѣ ове смерти: овде само умираетѣ тѣло, духъ остаетѣ, и умно живитѣ. Садашу я, что годѣ самъ ши до сада говорю крашко повториши: добро внимай и мыслемѣ моимѣ слѣдуй.

Дабы человекѣство обстати и достоинство свое обдержати могло, попредно муетѣ нѣко правило дѣланій его, при коемѣ бы оно — исполнявающага — вѣчно щасливо было, и кое небы никаковаго изятія имало:

Таково правило намѣ даетѣ нашѣ разумѣ, и оно естѣ едина само добродѣтель: ибо она насѣ у совѣсти щасливими шворитѣ: она душу и тѣло: она ихѣ силе сохранява, возвышава и умножава.

Ню мы дакле при всякомѣ живота случаю исполнявати и законѣ разума паче всего храниши, ему вся наша мила склоненія и всю чувствительность покориши морамо. Обаче были я шо шворити могао, ако я предположио небы, да мета моя естѣ вѣчное шествіе кѣ величайшему совершенству — у всякому призрачю — у всякомѣ отношенію —? Были я добродѣтель животу моему предпочести могао — а ово ищетѣ разума моего законѣ — ако бы я будущу жизнь само као нѣку неизвѣстну возможность

дер-

держало, а не цѣло о ней увѣренъ было? Я отвѣстваемъ небы. А напропивъ того како я помыслимъ, да слѣдствія добродѣтели и порока изгубитися не могутъ у свѣту моральному, како годъ чпосе у свѣту Фізическому ничто не губитъ: да послѣ оваго другій насъ ожидаетъ живошъ: да добродѣтель, аще овде и терпитъ горко, славою тамо вѣнчашися: да порока ларву свою изгубити, слѣдствія беззаконій своихъ вѣчно оплакивати будетъ; таки я себе охрабримъ, и ободримъ множайша зла времена, вѣчныхъ благъ ради преперпѣти. Таки я и у гоненой добродѣтели мое щастіе и благополучіе, а у пороку ако бы и злтанъ овогъ свѣта имао вѣнецъ и цѣломъ вселенномъ заповѣдао величайшее нещастіе находимъ: таки се мени очи у вѣчность опвораяю и я находимъ да добродѣтель едина насъ щастливе — вѣчно — сотвориши у соспоянію есть.

Я сыне мой! мыслимъ, да вся доказательства проча овому единому уступити должна сущь, будущи да она къ главы отношеніе свое имающь, а ово къ сердцу нашему говоритъ. Между шымъ я премолчиши нешью еще единъ паръ Доводовъ додати, дабы само тебе о великой овой истины,

Д

исти-

испины цѣлому челоѳчестѳу полѳзиѳшей
и нуждиѳшей легше уѳрити могао. Благо-
получіе, сладчайше чадо мое! на овому свѣ-
ту и не можетѳ добродѳтели сходно бы-
ти: слѳдовашелно, желаніе праваго бла-
гополучія принуждаѳ насѳ еще единѳ
свѣтѳ, послѳ оваго вѳроваши. Челоѳкъ э
овде еще тѳварь сложена изѳ многихѳ ча-
стей; онѳ живитѳ у содружестѳу сѳ про-
чими тѳварми; онѳ овде колико духу своему,
толико тѳлу добра и щаспія желитѳ: и
зато благополучіе оваго свѣта не зависитѳ
само отѳ чистаго разума и не порочныя со-
вѳсти, но и отѳ тѳла и домашнихѳ об-
стояшелствѳ, и отѳ начина, коимѳ про-
чій насѳ предусрѳшаютѳ. Ако ово все нїе
воли нашей сходно, мы себе благополучны-
ми почиоваши не можемѳ: и зато другій
животѳ желимѳ, у коему мы отѳ всѳхѳ
странѳ благополучіе вкушаши мыслимѳ

Далше да идемо. Добродѳшель на овому
свѣту совершена быти не можетѳ; (а бла-
гополучіе ей шокмо сходствоваша има:) и-
бо совершенство оно, кое намѳ законѳ разу-
ма здраваго за мѳшу предлажетѳ, у маловре-
меному овому животу достигнушесе не мо-
жетѳ: мысе само безконечнымѳ ходомѳ кѳ

ней

ней приближавати и вѣчно ближе къ ней шествовати хощемо, и морамо.

Правосудіе Божіе и моя добродѣтель есть дакле крѣпчайшее всѣхъ упованій моихъ основаніе: *но отвлечена овакова размышленія за всякаго нису.* — Дай да посмотримо свѣтъ овай Физическій, да у нѣму едно правило общее примѣтимо, и дага — ако э свободно — съ моральнымъ свѣтомъ сравнимо. Веселися чадо мое! веселое намъ сада предстоитъ разсужденіе! Благое естество! къ теби я сада очи мое обращаю! О мами всѣхъ радостей! когда судьба насъ гонитъ, мы у нѣдрахъ твоихъ прибѣжище и утѣшеніе находимъ! У теби се слѣди дѣлъ всемогущаго наиболее видятъ! ова зелена шума, кою я гледамъ! свіи балсамски цвѣтловъ мириси, коихъ до чувства моего тихій зефиръ доноситъ! онай: божественный Славуй, кой за любомъ своимъ шужетъ смутнымъ гласомъ жалостну пѣснь пѣва, каквимъ чувствованіямъ у сердцу моему побужденіе не дають. Все вещи у теби вѣчному премѣненію и повседневному сложенія ихъ разрушенію подлежатъ. Частъ отъ части отпада, и все тѣло разрушавасе; — но дивно уму чловѣческому явленіе! — ничто не пропада, ничто не уни-

чшожавасе, но само новыи союзъ, ново сложеніе добыва и у теби остаеѣтъ.

Да узмемо о Кандоре! единаго скоѣа. Онъ отъ матерѣ свое на свѣтѣ издаѣтъ, расѣитѣ, органѣ свое ястїемѣ, пипїемѣ, движенїемѣ разшируе: у становите годинѣ дойде и благополучїе — кое ѡ природы его сходно — ощуѣа. Но когда се на най-вящїи степенѣ крѣпости свое попне и наиболше силѣ свое упражнявати почне, таки и падаѣи начне. Онъ сирѣчь у вну-пренности своей черва носитѣ, койму на корену грызетѣ: онъ день по день старїи быва; онъ очи, бою губитѣ: онъ се веселости лишава: нѣму ногѣ службу ношенїя опрыѣати стану; пѣло му на шыгопу дойде; онъ себе вуче, на послѣдокѣ падне; разрушисѣ; прунуѣи и несѣаяшига начне. Но несѣаетѣ ли овай скоѣа изъ естѣства? Ни подѣ кой начинѣ. Всяка частїиѣа у свою стихїю — отъ куду ѡ дошла — оплази; водѣна у водусѣ преобраѣава, воздушнѣ се премѣняюѣтъ у воздухѣ: вапрѣне, землянѣ и проч: у свой Елементѣ раздѣляваюся, и по творенїю всему раствораваюѣтся. Но изъ естѣства несѣаетѣ ни наименша! само чшо союженїе свое и свой составѣ премѣнява. Оне истѣе частиѣе, коѣсу составѣ единаго жи-

животнаго сочинявале, сочинявашишье у другому союзу каковъ предивный ябланъ; или часть каковаго другаго растѣнія: илишье давати питаніе каковой прекрасной ружи; илишье правицѣ другой къ возвращенію помощи, отъ шуду се на друго что обратиши, и тако у существу своему всегда осташи. Что э овде отъ человѣка говорено, можесе употребити на древо, траву, камень, землю, воду и пр: отъ коихъ ни наименша почка не губитса, но само -- что се союза каса -- премѣняетса. Тако дакле у естеству, есть вѣчно кругообращеніе (цыркуляція) и весь Физическій свѣтъ овому вѣчному правилу тако подлежитъ, да изъ подъ необходимаго оваго закона ни една тварь уклонитса не можетъ. А кадъ то быва съ тѣломъ, кадъ оно не несаетъ, душа ли наша — коя э различнѣйшими понятіями, высокимъ разумомъ, вся обнимающею памятію, пронцапелнѣйшимъ умомъ обдарена — душа ли велимъ наша да нестане? Она ли сама отъ вѣчнаго оваго закона изятіе да учинитъ? Она ли сама благороднѣйша своя свойства у единъ путь да погубитъ?

Не! не! яшьу вѣчно осташи: земляшье само тѣло мое покрыши: яшьу между чистыми души, между блаженными человѣки

чисто, нескверно живиши, къ совершенству се возвышавати, Творца моего выше познаши, хвалиши, и уничиженію противостояши. Япью жаждь ову, кою овде насытити не могу, у вѣчномъ бытію моему насыщавати! Япюсе выше къ испины приближавати. Великій конецъ! велика дѣятельность! Мой духъ вѣчность ищетъ, къ ней мужественно, весело и достойно идетъ! Что э овде сѣяо, тамо жнеши будетъ! Юноши! Старцы! Дѣвицы! И старицы! Все вы живите за безсмертіе! Живите дакле концу овому пристойно! Богу уподоблявася естъ намѣреніе вашего живота! То быши да будетъ вашъ трудъ и ваше блаженство! Истину, Человѣколюбіе, Добродѣтель, всегда въ персехъ вашихъ носите, да съ радостію пойдете, када гласна труба васъ все позоветъ.

Всѣмъ надобно естъ умрети,
исчезаетъ слава всѣхъ.

Можно' вѣчность наслѣдиши
пом', кто не жилъ нашъ сей вѣкъ?

* * *
Прахъ и пепелъ естъ намъ тѣло,
но Богомъ обновится:

Во-

Воспрянетъ изъ гроба смѣло,
къ безсмерт'ю устремится.

* * *

Юж' на свѣтѣ я имѣю
жизнь, она моя нѣспь.
Дѣла шокмо яже дѣю
Духъ мой, яко своя вѣспь.

* * *

Вѣчность мене ожидаетъ,
гдѣ аггелскій поетъ ликъ:
Сердце ми уж' занимаетъ
пресладкй ихъ гласа кликъ.

* * *

О опчизно! Духовъ свяыхъ,
ихже жребіе покой еспь!
Какъ выхъ сласпей непонятныхъ
число въ твоємъ крузѣ нѣспь?

* * *

Ту въ вѣкѣ радость обипаетъ,
безсмертія царство шу.
Восхищеніе изсыхаетъ
рѣку бывшихъ намъ слезъ всю.

* * *

Очищен'е кратко время
есть судьбина нашихъ часъ:

Мислѣ

Егда

Егда спадетъ тлѣно бремя,
ожидаетъ вѣчность насъ.

* * *

Добродѣшель чтущихъ друж'ство
жизнь ми усладитъ тамъ,
И священно нѣко чувство,
бып' насъ вѣчныхъ скажетъ намъ.

* * *

Тамъ въ свѣтлости азъ то узрю,
что на земли темно бѣ:
И въ вѣчности я то прозрю,
непонятно что бысть здѣ.

* * *

Мы пупникомъ вси подобны,
шествующимъ дал'кѣй путь.
Они всегда ли свободны
отъ прошивныхъ сѣпей суть?

* * *

Но дошедше къ своей мѣшѣ,
опдыхаютъ подяты прудъ.
Такъ вѣчными наша лѣпы,
опдыхати будетъ грудь.

* * *

Аще сердце ощущаетъ,
скорбь; ил' судьба страшитъ мя:

Мысль

Мысль мене утѣшаетъ,
яко кратко будетъ та.

* * *

Егда преидетъ ложна слава,
и не будетъ за мя свѣтъ;
Моя ко сну клонетъ глава,
но Духъ Бога будетъ пѣтъ.

* * *

Тамъ въ едино челоуѣцы
благій соединяшся,
Тѣло: и вѣчныя вѣцы
узрятъ сердца — одно — вся.

* * *

Добры уже ощущаютъ,
блаженъ и на земли часъ,
Но щаст'е не обихаетъ,
ниже можетъ все здѣ въ насъ.

* * *

Садъ шумъ міра, садъ скорбь тѣла,
врагъ тишины духа естъ.
Садъ жишейска нужна дѣла,
творятъ, да покоя во немъ нѣсть.

* * *

Въ челоуѣцѣ обихаетъ,
вѣчна духа съ тѣломъ брань:

Частше

Частше тѣло побѣждаетъ,
ополчився люто нань.

* * *

Добродѣтель часто терпитъ,
порокъ часто щастливъ есть,
Всякій благій во злѣ скорбитъ;
здѣ покоя права нѣсть.

* * *

Что здѣ ищу, тамъ обрящу,
егда духомъ начну зрѣти.
Я шамъ любви Бога срящу
вѣчно буду святымъ пѣти.

Спарецъ свое размышленіе совершивши,
устане, Кандора за руку узме и съ нимъ
къ палатѣ вращисе. Солнце еще едино-
кратно землю осѣнитъ, и великолѣ-
пное сіяніе свое по цвѣтущему верхограду
проспетъ. Кандору перси воздвигнувся.
о естества свѣте! возопіетъ онъ, и
когда насъ оставляешь, еси восхитишелевъ:
како шихую радость по вселенной распро-
спираешь. О да бы я при послѣднемъ мо-
емъ издыханіи съ овакомъ радостію на лѣ-
по живопа моего погледаши могао? Онъ
говорити престанетъ. Гуспи кедры ше-
мность по ходнику изсыпаху: ношне

пши-

ищице жалостныя пѣсни своя пѣваши нача-
ху. Они дойдутъ до палаты гдѣ они легку
вечеру къ себи узевши разспавесе, за мощи
слѣдующій день раніе разсужденія своя про-
должаваша.

Прежде денице устану. Но овасе тай
день ни видила ніе. Она э одеждомъ свойомъ
сыйно лице покрывала, да не види сокруше-
ніе еспества. Какво ютро! Мрачны се отъ
востока подвизаху облаки, и сїяніе изъ Океана
исходящаго солнца закрываху. Тупньи изъ
далека страшный громъ, и едвасе чуе, ре-
каобы всю силу свою изгубивши. Но у
сланъ пупъ надъ главомъ ихъ ужаснѣйше
воздуха шерзаніе буде, и разореніемъ горы
имъ угрожава. . Буря по высокими кедры
лешипи почне: они се до землѣ савїю,
аки бы главе свое отъ удара сокрыши хо-
шѣли. У тысящу тысящъ круговъ прахъ
се вїепъ, и или къ небесемъ черному обла-
ку подобно — движешся, или по земли
спрахъ и трепетъ распросшыраетъ. Луче
солнечне у облаку заоспаютъ, облакъ э
все небо покрыю. Камень се синій распада,
бездна трепещетъ. Мракъ всюду царствуетъ.
Садъ ричутъ громовы спрашно: садъ мол-
нія блискаетъ и предмѣтомъ цѣлыя приро-

ды ужасный видъ дадешь. Естество страдаши, — и послѣдній день имѣши выдашесе.

Кандоръ окаменѣнь очи на старца обратио естъ, кой на колѣни лежетьи, съ рукама къ небу двигнутима говораше.

Велій міра Творецъ естъ :

безчисленная небеса,

Подъ пресоломъ его сущь;

дѣла его вся чудеса.

Облакъ, тучу, громъ мепаетъ,

и молній огонь блиспаетъ

его мановеніемъ.

*****

Крайній ризы его лучь,

зрипся во деничнѣмъ зрацѣ,

Противъ его сѣиноспи

сущь тысящы солнецъ вѣ мрацѣ :

Отъ неяже Херувіми,

шестокрилни Серафїми,

Лица закрываютьъ вси.

*****

Внегда взоръ веселый свой

намъ съ высоты посилаетъ,

Малый шарикъ земный сей

радостно тогда играетъ.

Егдажъ око отвращаетъ
 всю вселенну усрѣщаетъ,
 и погибель, страхъ и смерть.

*

*

*

Хвалите всесилнаго
 горнія швердыни зрацы:
 Неизчепный свѣшилъ рядъ,
 и пре'сподныхъ адовъ мрацы.
 Тмы шемъ земель двигн'ше славу
 вся воздѣйте швари главу
 и пойше Содѣтелю.

*

*

*

Биспроспрудны попоцы
 и горкаго моря воды:
 Кедри высочайшіи
 и всѣхъ прочихъ древесъ роди;
 Тїи спѣшнымъ спремленіемъ,
 сїи ж' главъ приклоненіемъ
 да воздають шворцу честь

*

*

*

Лвовъ и дубравныхъ скопъ
 со поющ'ми насъ въ сонъ ппциы;
 Дебрей и высокихъ горъ
 да сліюпся въ едно лица;
 Огнемъ д'шуще каменіе,
 да даспъ славы знаменіе,
 черный дымъ и страшный прескъ.

Ты

* * *
 Ты опзыве вѣрный пой
 побуждая все естество!

Человѣче гордый ты!

О! ницѣ падни предѣ Божество.
 И швой духѣ и швое шѣло,
 есть дивное его дѣло
 вѣчныхъ за насѣ тайнѣ шма.

* * *
 Высокій швой, гордый духѣ,
 далече преходитѣ швари,
 И естества цѣлаго,
 неизмѣрн'я мѣритѣ шары:
 Въ сердце міра проникаетѣ
 и вселеннѣй силнѣ даетѣ,
 Вѣчныя законы онѣ.

* * *
 Кѣ Зиждишелоу двигни выпрь
 ума швоего очеса.
 Отѣ брен'я воспоргнися,
 возлѣпи вся надѣ небеса.
 Въ неизмѣрности сѣдящу
 и о пылѣ (*) всяцѣй бдящу
 Существу предшанни шам'.
 Да

(*) atomus.

* * *
Да истины лице зрю
разумъ (рцы) даль ми еси.
Да я вниду въ свѣта храмъ,
ты возбранилъ отче! нѣси.
Сохраними сія дары.
о Ты иже проч'я швари,
еси мнѣ покорилъ вся.

* * *
Егда лобызая Фебъ (*)
еднымъ краемъ море, с' движетъ
Или як' исполинъ (**) пущь
прешекъ другимъ паки лижетъ,
Чермн'я (***) Океана воды
и совлекаетъ природы
дневную красоту всю.

* * *
Егда весна зеленость,
по естеству просыраетъ,
Ил' послѣдну надежду
смершнымъ есень опимаетъ,
Въ дусѣ бурнѣ, въ вѣхрѣ прасѣ,
и во гнѣвѣ неба, спрасѣ
вину Бога слави швог'

Егда

(*) Солнце. (**) Гігантѣ. (***) Червеняя.

* * *

Егда' нещадно недугъ лютъ
 вѣрна уязвляетъ друга,
 Или губитъ страну брань,
 ил' смерть проспираетъ куга:
 Или въ конецъ міра составъ,
 сокрушишся, ты неостав'
 присвятъ Богу пояши.

Между тымъ се буря вѣтъ иѣчто уш-
 шала была. Кандоръ — и незнающи — по-
 край старца естъ на колѣна клекао, а овай
 овако молитву продолжавао.

Опеть си ме сохранію! Кто э то?
 Ако не ты о всеблагій! ты даешь жи-
 вомъ, ты радость послѣ печали! Неисчер-
 паема естъ твоя благость. Овомъ си ты
 сада свѣтъ сохранію! Мановеніемъ твоимъ все
 естество сокрушавашесе, кое сада као изъ
 мертвыхъ воскрешава! О сподоби ты мене
 прежде полезнымъ Братіи моей быти, не-
 жели благоволишь жизнь ову мою окончати.
 Отче! Благослови вся чловѣки. Просвѣти
 насъ всѣхъ, просвѣти и научи мя истину
 твою всему міру проповѣдати! благосло-
 ви дѣло мое.

Старецъ юношу садъ у одну зелену сѣ-
 ницу уведо, за моуди ту далше конецъ вче-

рашня.

рашняго размышленія продолжити. Онъ а
овако рѣчь почео.

Добродѣтель есть конецъ и правило
дѣлъ человѣческихъ: ономъ се онъ мора
чрезъ вѣчность къ совершенству ея прибли-
жавшии. Разумъ заповѣда всякому неизмѣнно
добро творити: Разумъ природное есте-
ства нашего желаніе благополучія не отба-
цуетъ. Ако мы небы упованіе имали и ко-
гда въ пристанище благополучія достигну-
ти, разумъ бы нашъ намъ ложный предпи-
сывао законъ — тобы добродѣтель безъ
подкрепленія оспала — тобы человѣчество
несчастно было — тобы мы изъ между разу-
ма и чувствительности всегда шаталися, и
незнали, коей части себе прилѣпимъ. Да
ово небудетъ, предположимъ морамо да бла-
гополучіе отъ онаго исхода зависитъ, отъ
коего зависитъ и разумъ нашъ, кой намъ
у овому благополучію утѣшеніе предлагетъ;
то есть; да онай истый, кой чрезъ законы
разума заповѣда и благополучіе по достоин-
ству нашихъ дѣлъ намъ раздѣлитъ будетъ.

Должность наша отъ насъ изискуетъ,
добродѣтель паче всего любить: но да мы
то само можемо и хотѣти, морамо уповати
мощи, чрезъ то благополучными быти. Мы
слѣдователно предположимъ морамо быти

таково Существо, кое намъ ове законе чрезъ разумъ даетъ; кое по нѣма дѣла наша судитъ и сходственно награждаетъ — дакле предположиши морамо Законодавца — Судію — Гослода всего естества, Бога.

Безъ почитанія Бога добродѣтель все свое пріятности губитъ. Величайшій Степень добродѣтели еспь жертвованіе самага себе за ню; а кто бы то съ разумомъ чинити могао, кой не мыслилъ себе быти подъ всевидящимъ окомъ и покровителствомъ единого всѣхъ отца, коего любовь едина за все, награжденіе быти можетъ.

Мудрецы всѣхъ народовъ всегда едино божество вѣровали есу: вси — аще и малѣйшую просвѣщенія и закона благодатнаго искру имущіи — народи ову мудрецовъ науку есу съ охотомъ пріимали: само нѣке смущене и отъ казней (за пороке и за беззаконія своя) боящесе главе мыслили есу утому разсужденію нѣку разума погрѣшку найти. Что выше? и простѣйшій народы — аки естественнымъ нѣкимъ наклоненіемъ влечены — имають? и ималису всегда воображеніе нѣкаго высочайшаго духа. Ово (воображеніе) хотя нѣе всегда найчистіе было, довольно э то, да всякій умъ чловѣческій необходимо едино высочайше существо пред-

полажатъ. Невлекутъ ли законы мысленія
человѣка естествоно и нужно на ову
Идею?

Мы вси жаждемъ нѣку за истиномъ имамо.
Но что есть истина? Наше всяко поня-
тїе есть у нама (изванъ насъ мы ничто
о вещехъ ни пошверждавати, *affirmare* ни оп-
рыцати, *negare* неможемо) но мы истину
аки нѣчто изванъ насъ полажемо: и шако
о ней мыслимо, дасе шокмо къ ней при-
ближавати можемо, обаче до нѣ дойши ни-
когда. Надлежитъ дакле быти нѣкому су-
ществу, у коему истина находится и жи-
лице свое имѣетъ. Ово существо мора
быти всесовершеннѣйше, и высочайше; мора
быти — Богъ. Богъ э истина — у Богу э
истина — отъ Бога исходитъ истина — и
само луче ея у наше умове шако доходятъ,
како что луче Солнца вещественнаго на тѣ-
ло наше и на прочая тѣлеса падають. И-
стина нїе ничто, ако нейма кто, кой ю
мыслитъ: ако нейма что у чему она осно-
ванїе свое иматъ, а каковобы могло быти
основанїе истины вѣчныя непремѣнныя, и-
стины безконечныя развѣ такожде вѣчно,
непремѣнно, безконечно, развѣ Богъ.

Мы видимо, да у цѣлому естеству
една вещь отъ друге происходитъ, и ни

една сама отъ себе нїе. Да овай порядокъ тако безконеченъ есть, то разумъ нашъ ни мыслиши не можешъ: каковы временныхъ вещей единъ вѣчный рядъ помыслиши могъ? нїе ли то самому себи противословиши? Разумъ нашъ дабы удовлетворити себи, за мощи все естество разсужденію своему подвергнути, мора узети конецъ или край всего созданія: то есть: мора предположиши едино Существо, кое э изванъ цѣлаго оваго естествонаго ланца, и отъ коего овай весь ланецъ зависитъ: то есть Бога.

Какогодъ чшо поняшїя разума у Богу удовлетворенїе и конецъ свой находятъ, тако исто и блаженная сердца чувствованїя у истомъ существу утѣшенїе свое обрѣтаютъ, и у оно, аки источникъ свой возвращающа. Мысль на Бога насъ у напастн, бѣды, и прошивности ободрятъ: она духъ нашъ упованїемъ укрѣпляетъ; она намъ у терпѣнїю за прибѣжище служитъ. Съ чимъ ядный и цѣлый живопъ свой жалостно проведенїй чловѣкъ при послѣднемъ сердца своего удару утѣшается? Надежда — радостна живота нашего спутешественица — чшобы безъ Бога была? Гдѣ бы око отъ слезъ помрачено утѣшительный

за себе предмѣтъ видило? Отъ когобы душа наша у различнѣйшихъ несчастіяхъ щасливый конецъ ожидавати могла? Отъ менели? Отъ равныхъ мени? Отъ естества? Или отъ онаго, кой э и естеству вѣчныя поставилъ предѣли? Все душе, уми, все жизни есу како нѣке единственне свѣще на великомъ ономъ свѣта океану. Ова высочайша душа, овай высочайшій умъ, овай превѣчный животъ есть Солнце всѣхъ умовъ міра! Безъ него е все мрачно, все темно!

Да окренемо очи наше на ово насъ окружающе естество, оноли э само отъ себе произышло? Все что годъ видимо, водитъ насъ къ одному разумнѣйшему, блаженнѣйшему, вся любящему Существу. Соспавъ чловѣческаго тѣла супилный, его внѣшній видъ, его чувствила (око, носъ ухо, уста) какова э всюду размѣра? Како э всяка частица концу своему сходна? Да погледамо на животною. Плашливомъ зецу дароване есу берзе ноге, и отворене очи у сну: песъ есть мудръ, вѣренъ, и бдитъ о ползѣ Господина своего: — слаба мачка и люшый пугръ ногшимасе браниши могутъ — Совуляги каковесу очи, каковъ э клюнъ дасть? — Рода и чапля ради препитанія сво.

его

его долге ногесу требовали — има рыбе, кою
 опъ непріятелей своихъ бѣгаютьи черну
 бою изъ себе изпускаетъ да се не видитъ — мол-
 чаливость овыхъ рыбныхъ непріятелей, ко-
 гда на ловъ идутъ, и пр: Роди всяке живо-
 шынѣ то есть мужескій и женскій есу у поч-
 нѣйшему соразмѣренію. — Какова оружія не-
 имѣють скопи! Ови остре зубе, они бер-
 зе оны крѣпке ноге, и пр: какове хипро-
 сти неупотребляють прошивъ своихъ не-
 пріятелей! Япъу проча естества чудесна
 происшедствія съ молчаніемъ прейти. Само
 вопрошаю, неками всякій скажетъ, ктосе у
 теплomu землѣ наше поясу вѣчнодыхающій
 вѣтръ опредѣлю? Кто э земли овой окру-
 глый образъ дао? Ктосе ню у тако опъ
 Солнца опстояніе приличнѣйше положю,
 да она ову а не другу теплоту има? Небы-
 ли мы изгорѣли, акобы ближе Солнца бы-
 ли? Небыли опъ зиме поумирали, акобы
 мало выше опдалѣны были? Кто э всѣмъ
 тѣлесемъ небеснымъ предѣле движенію и
 законе установаю? Кто э человекъ чувстви-
 телностію, воображеніемъ, памятію, ра-
 зумомъ, умомъ, волею, своелюбіемъ и про-
 чими дарованіями обдарю? Самоли э то
 все опъ себе? Кудъ годъ человекъ по-
 гледа, всюдуму се очима представляетъ осо-
 бина

биша нѣка благость: крайня къ роду чело-
 вѣческому милость; любовь коя се и у са-
 мыхъ оныхъ вещей видитъ, кое се намъ
 шкодливе виде. Громъ, непогода, вѣтръ,
 болѣзнь, трудъ какова дивна и общеполе-
 зна слѣдствія имѣютъ. Смерть по всему е-
 стеству царствуетъ, но изъ нѣ животъ
 бываетъ. Сама злоба, ненависть, страсти
 и беззаконія челоуѣческа къ тому служе,
 да бы они мудрїи, болшіи, праведнїи и до-
 бродѣтелнїи были. Кто э и тысящу тысящъ
 другихъ — овымъ — подобныхъ вещей овако
 установїо, опредѣлїо, уредїо? Небыли то
 крайнее безумїе было ово мертвому есте-
 ству приписывати? Едали мертво есте-
 ство животъ само отъ себе произвести
 можеть? Едали нечувствена вещь ствари
 чувствене, разумне и мудре сотворити мо-
 жеть? Распери морщине съ чела твоего ты
 о челоуѣче! кой за добро и за правду терпишь,
 има око, кое вся твоя лишенїя и терпѣнїя ви-
 дитъ! има существо, кое э вся блага до сада
 на тебе изливало, и кое те и вѣщшими награ-
 диши мыслишь! тѣло твое умрети, но
 она божественна искра, коя у теби лежитъ,
 она искра небесна вѣчный предъ собою животъ
 имѣеть, вратишьесе она у свой источникъ:
 вратишьесе она своему отцу небесному:

вра-

вращитъесе она къ оному существу, кое
Творецъ, и Содержитель цѣлаго естества
— кое э всемогуще — премудрѣйше — праведнѣйше — святѣйше — всезнающе — непремѣнишело — вѣчно — всевидяще — одно единшо — равна себи неимуше; и кое существо особенымъ провидѣнїемъ и о наименшемъ прашку спарается.

При овыма рѣчма падну оба у прахъ предъ лицемъ непостижимаго и блажайшаго божества: старецъ у чрезмѣрному чувствованїю своему молишву и хвалу Богу овыми рѣчми почне:

Силу швою Господи,
дѣль премудрость швоихъ
Любовь ко мнѣ вѣчную,
когда помышляю.
Како да шя пою азъ,
Боже мой и Творче!
Сильнымъ удивленїемъ
побѣжденъ не знаю.

* * *
Кто океанъ воззва звѣздъ?
тысящ' солнцеъ созда?
Солнца кругъ кто подвиже,
выспрь на небеса

Дивнѣ украшенная? —

Всюду мое око
Силу неизслѣдиму
видитъ и чудеса.

* * *

Кто измѣри пути вѣтрѣ?
кто дождь посылаетъ?

Идро земли отверзе
на нашу всѣхъ радость?

Боже, силъ и крѣпости!
благость швоя всюду,
Камо нибудъ позрю азъ,
простираетъ радость.

* * *

Тебе хвалитъ солнечныхъ
зарей число; буря;

Тебе хвалитъ песокъ весь
и тишина морска.

Все вопіетъ червіе,
дадимъ славу Богу,

Тожъ вопіетъ сѣмя все
и древеса горска

* * *

И человекъ егожъ духъ,
разумъ къ тебѣ влечетъ,

Егожъ

Егож' тѣло отъ ногу,
 дивно есть до главы:
 Честь и вел'колѣніе
 созданія сущій,
 Примѣръ есть всенасущный
 вѣчныя ши славы.

* * *
 Слави душе Бога твог'!
 слави его имя.

Хвално буди, имя ши,
 пренебесный отче!

Вся вселенна отзываетъ,
 до вѣкѣ вѣка буди

Свято, прикратъ святое
 имя твое Творче!

Послѣ ове молитве вратесе къ палати.
 Покрывало мрачно вепь на цѣлому есте-
 спву лежаше. Заутрашній день раждающе-
 ся солнце красный день обѣщаваше. Они
 оба до пещере отиду и ту спарецѣ гово-
 рити почнетъ.

Добродѣтель есть правило, по коему
 вся дѣла чловѣческа разсуждавати треба.
 Ню исполнявати и къ далшему совершен-
 ству у ней ходити разумный насѣ обвязу-
 етѣ законѣ. Но она на овому свѣту схо-
 дно ей благополучіе не находитѣ: мора дакле
 послѣ

послѣ оваго живота слѣдоваши другій, у
 коему бы человекъ выше и выше къ до-
 бродѣтели приближаватися могъ, и у кое-
 му добродѣтель и благополучіе у точнѣй-
 ше согласіе (Хармонію) дойти мораю. Слѣ-
 дователно надобно каковому существу бы-
 ти, кое ово согласіе управля и у коего руку
 все могуще благополучіе находится. Ово
 существо есть дакле благополучнѣйше. Оно
 шье заслуги давати (милостивѣйше) и безъ
 пристрастія (праведнѣйше) дабы то быти,
 могло, мора оно у себи всю добродѣтель
 имати, дакле святѣйше все чувствене и ра-
 зумне вещи подъ собою держати, убо все-
 могуще быти. Нѣму э попребно вся дѣла и
 вся помышленія человекеска знати да бы
 добродѣтель ихъ сходно наградиши могло,
 убо всевѣдуще быти: и будущи да человекъ
 као разумно существо — по раздѣленіи ра-
 зума отъ шѣла — вѣщшимъ совершенства
 степенемъ приближаватися имѣетъ, оно ему
 относительнѣ соответствующее благопо-
 лучіе давати мора, и зато вѣчно быти. Ова-
 ково существо може само быти едно: Оно
 э высочайше, благополучнѣйше, святѣйше, оно
 э наше высочайшее благо.

О утѣшительна за мене мысль! Богъ
 шье душу мою, као у источникъ, отъ ку-

да э испекла узети. Сыне мой! ову спа-
сипелну науку само они у сумнѣніе бы до-
вести ради, коихъ поступки живоша и без-
законія до погъ безумія доводе: дабы ша-
ко у беззаконіями своими заоспати, дабы
себе еще выше у пороке погрузити могли.
Но всуе ты по худый человѣче! мыслишь;
ибо мысль и понятіе Божества — надъ то-
бомъ живущаго — тебе никогда оставити
нешье. Она тье теби слѣдоваши, акобысе
ты и на высочайшій всѣхъ небесъ степенъ
попео. . Она тье за тобомъ испи, акобы
ты на и глубочайше тарпара дно снишао.
Всюду э она съ тобомъ. Ты отъ нѣ бѣжишь,
отъ нѣсе боишь, и бояписе отпрычешь! О-
ному, что твоя уста говоре, сердце про-
шивоглаголспвуеть.

Но находятсѣ сладчайшій Кандоре! кои
виде, да по изъ сердца своего изгладити
не могутъ, и кой, ничто меньше, слѣдспвія
беззаконій своихъ боетьисе, гледи, да ка-
ковымъ нибудъ другимъ начиномъ страхъ
изъ внутренности свое извергнути, себе
ободрити и шако путь свой коегасу жало-
спны почели далше продолжавати могутъ.
Они говоре, да они волности (свободе) не
имаютъ: да они ничпо произвольно не тво-
рятъ, но да тому шако быти надобно;

да они вся своя дѣла необходимо нужно
оправляютъ: и да су она вся закономъ
естественнымъ подвержена.

Овымъ я днесъ намъ бравамъ отвѣпство-
вати, и тебе о произволности духа швоего
увѣриши, и со шымъ закона всякаго основа-
ніе утвердиши; ибо, ако я свободну волю
неймамъ, ако я все необходимо, нужно
шворимъ, то заиста будуща жизнь за мене
ниши каковаго ушѣшенія, ниши страха има-
ти можешъ. Можешъ ли кто мене за она
дѣла наградиши, коесамъ я швориши морао?
Можешъ ли кто мене за она дѣянія казни
подвергнуши, коясамъ я еспешвомъ прину-
жденъ быо учиниши?

Яшью за доказати духа нашего волность
опеть у насъ униши и изъ состава наше-
го по доказати шрудишисе: ибо начпо
далъ иши и оно шражиши, кое э кодъ
насъ, кое э у нами.

Человѣкъ има две части, шѣло и духъ.
Тѣломъ э онъ шщество чувственое, духомъ
шщество умное. Тѣломъ принадлежишъ е-
стешву насъ окружающему: духомъ ешть
выще его узвышенъ. Тѣломъ ешть преве-
затъ за землю: духомъ граничишъ до Боже-
ства.

Все, что э годъ у естествоу, подле-
житъ естественымъ вѣчнымъ и непремѣ-
нымъ закономъ, и докле годъ овай есте-
ства составъ, допле ни едно чувствво
существо ихъ уклонипсе и избѣщи не
можетъ. Чпо дакле тѣла человѣческаго
касается, будущи, да оно чувствено естъ,
и къ естествоу принадлежитъ, всякимъ о-
бразомъ оно и всѣмъ закономъ естестве-
нымъ подлжитъ: оно дакле и необходимо
нуждно вся своя дѣянїя производитъ, и вся-
каго его дѣла узрокъ у предидущему свѣта
союзу находитъ. Но тѣло нїе человѣкъ.
Оно Я къ тѣлу непринадлжитъ. Оно Я естъ
духъ нашъ. Онъ естествоу чувственому —
ибо э нечувственъ — не подлжитъ. По-
мысль дакле его, намѣренїе его, его опре-
дѣленїе чпо дѣлапи или недѣлапи, чпо
потвердити или опрещи, естъ свободна,
то естъ: *человѣхъ внутреннїй естъ свободенъ
отъ всякаго принужденїя.* Воля моя имаъ
свою произволность, можетъ чпо учинипи,
но можетъ и не учинипи, можетъ и про-
шивно тому учинипи хотѣпи, само ово
хотѣнїе мора разуму сходно быти. Ибо
вольность духа естъ дѣянїе ззкону разума схо-
дное. Душа моя заповѣда со престола сво-
его свободно; но тѣло чпо исто необходимо
нуждно

нужно творити долженствуетъ. Душа наша дакле принадлежитъ къ свѣту моральному, къ свѣту умному, ниши она себе изъ числа оныхъ существъ изяти можетъ, коя послѣ оваго привременаго живота еще единъ животъ — вѣчно прающій — ожидаютьъ, у коему добродѣтель и благополучіе у точнѣйшу и совершеннѣйшу хармонію дойти имѣють.

Старецъ слово свое упреннее совершитъ. Солнце э вещь отъ Оризонта на велико опспояніе попелосе и златнымъ шаромъ все естество украсило. Гордіи цвѣткови красне главе свое управо къ небу подвигнуте держаху и благовонія рѣку изъ себе просыпаху. Всяка бубица изъ подъ земне пещерице свое исхождаше и солнца теплотомъ огреятисе хотяше. Овде славуи веселу пѣснь Творцу шилъ: овде шева по земли садъ попркуе, садъ полетье, садъ споешьи сладкій гласъ свой искушава. Все воздуха обыватели съ радостію у высоту возвышавахуся, изъ далека мучаща стада чувтиса могаху. Животъ э у цѣлой природы паки распростертъ быо. Отче естества, возопіетъ старецъ! ты си вся твоя твари къ радости создао! лучи вся оживляющаго солнца украшаваютьъ сей радостный

спный за мя день. Еще мало времени; и я самъ дѣло мое — отъ тебе ми наложеное — окончаю. У нѣдру швоему о всеблагій! вси живимъ: порядокъ и красоту всюду видимъ. О овде предъ лицомъ естества заклинѣмъ я тебе о Кандоре (рече онъ овому) да науки моей слѣдуешь. Всякій день совѣще мое обнови; всякій день науку мою у память воззови; спражи у истинахъ тебѣ сказанныхъ крѣпость добро дѣлаши, и въ добродѣтели всегда быши.

У овомъ щасливомъ состоянію Кандоръ много времена проведе. Старецъ му э послѣ овыхъ наукъ — кое э онъ ему за основаніе всѣхъ прочихъ положію — описао число людей, кои на овомъ кругу земному живутъ! казаому э каковымъ началомъ они животъ свой проводятъ, каквасу ихъ правителства; кое э овыхъ и преимущество и погрѣшка; каквису ихъ нравы; обычаи; ихъ рукодѣлія; шговине; науке. Послѣ овогъ казывао э онъ ему начинъ, како су ови люды до оваго состоянія дошли! како э то можно, дасу нѣки у просвѣщенію и у наукама далеко дошли: другіи у темности и мраку заостали. Предавао э онъ ему науку о естеству, нѣму — koliko э смертнымъ дозволено видѣти — тайну его открыо. Пока-

зао э онѣ ему; како естество у вѣчной
находится дѣятелиности, у непремѣнномъ
движенію; како оно изъ часпицѣ тѣлеса
составля, ова опеть разорава, и друга на
свѣтѣ издае, како небесна она свѣтила вѣч-
но у наокоугѣ обращаються. И хопя безчисле-
на, едно кѣ другому неприближаваються! ка-
ко э у естеству все просто, все порядочно.
Напослѣдокѣ э онѣ дошао на человѣка,
его душевна и тѣлесна свойства описао:
законе разума его, законе мышленія, зако-
не правды ему открьо: показао ему отно-
шеніе, у коему онѣ со высочайшимъ Су-
щесвомъ, съ братіомъ своимъ, съ цѣ-
лымъ родомъ человѣческимъ стоитѣ.

Овакесу быле науке, кое э спарецѣ
божественный Кандору своему предавао. Ка-
да э веть юноша у все науке проникао, оста-
ло э старцу еще, его у храмѣ премудро-
сти увести и ту добродѣтели его посвя-
тити. Едну ноцѣ кадѣ э Кандорѣ у najlep-
шимъ сну быо, дойде кѣ нему старецѣ.
Успай (говоретьи) храмѣ премудрости
естѣ отворенѣ. Половина ноци — время у
коему все естество покоитѣся — естѣ вре-
мя у него унити. Онѣ узме юношу пре-
пещущаго за руку. Ужасное молчаніе всю-
ду царствоваше. Онѣ его водитѣ чрезѣ

нѣкій до сада отъ Кандора невидѣнный лѣсъ
 коего листвѣе малыми вѣтры движимо стра-
 шное шумѣнѣ причиняваше. Изъ далека
 упазитѣ Кандорѣ ветѣ свѣплящійся храмѣ
 чпосе онѣ выше къ нему приближаше тому
 сердце выше препенаше. Но старецѣ, по-
 добно тысящегодишнему распу, кой все
 бурѣ неподвижно терпитѣ, его аки нѣко бо-
 жество за руку водитѣ и у сердце хра-
 брость улываетѣ. Приближупся ветѣ къ
 святилищу. У среды храма величайшій огонь
 — подобенѣ солнцу — горяше: около огня
 12. раздѣленія созидана бяху, и у всякому
 свѣща ясна положена. Свѣще ове хощя
 горяху, ничто меньше весь ихѣ свѣтѣ
 отъ средоточнаго свѣта получаваху. Сія
 12. раздѣленія окружаваше нѣкій потокѣ,
 кой зиду уподобляшеся. Вѣчное теченіе
 баше его свойство: онѣ у округѣ обра-
 щеніе свое творяше, но оно что э ветѣ
 еданѣ пупѣ прошло, выше предѣ очи не
 исхождаше. Все свѣще су отъ нѣга свое
 преломленіе имале, и со тимѣ сіяніе внушрен-
 няго храма умножавале. Величайшій неподвиж-
 ный просторѣ баше около онаго вѣчно дви-
 жущагося зида, у коему мы есмо спаяли и
 изванѣ коего ничто нисмо видѣти могли.

Како

Како годъ (Спарецъ ово изяснявати
 заче) какогодъ что онай огонь у среды го-
 ритъ, тако горитъ у чловѣку его разумъ.
 Дванадесять свѣщъ есу 12. начиновъ, коими
 мы естество насъ окружающее мыслиши
 имѣемъ. Ови 12. начиновъ свѣтъ свой,
 и свою крѣпость у разуму имѣютъ. Рѣка
 она текуща предспавляетъ намъ чувствви-
 телно, *время*, кое вѣчно печетъ и никогда не
 истичетъ. Все что разумъ мыслитъ, дол-
 женствуетъ у времену мыслиши, и безъ
 понятія времене ничто мыслиши неможетъ.
 Разумъ обаче нашъ имѣетъ около себе
 еще единъ зидъ коего прейти смершнымъ
 дозволено нѣе, и коего аще бы кто прейти
 хощѣлъ, небы мѣста имао тверда, отъ
 кудубы предмѣте у виду естествовенному
 гледати могао. Овай зидъ есть просторъ
 или ово пространство, у коему мы все
 видиме вещи примѣчавамо, и изванъ коего
 мы ни единъ предмѣтъ примѣшити не може-
 мо. Мысмо ограничени чувствами, чув-
 ство наше само оне вещи примѣшити мо-
 жетъ, коесу ему сходне, то есть, кое се
 у тому пространству находятъ; ниши чув-
 ства наша что досягнути могутъ, чтобы
 изванъ оваго пространства положено было.
 Можетъ быти да бы разумъ нашъ и дал-

ше прострети ся моглъ, да онъ нѣе чувствами обколѣнъ, како годъ чшобы и онай средоточный свѣтъ и далше свѣплиши моглъ, да нейма она два зида около себе.

Кандоръ ово слушаютьи пѣжка въздыханія испущаше, и у старца неотвратными очима гледаше. Внезапу упазитъ онъ, да се лице старца премѣнявати почнетъ. Морщина чела его нестанетъ, као что мрака нестанетъ кадъ аурора златнымъ своимъ перстомъ врата восточна отворитъ. Очи его — кое упале бяху — преобратесе у живе и божественнаго иѣкаго огня полне. Сребрена, долговласна брада изчезнетъ. Въсто старца предстоитъ Кандору юноша иѣкій благозрачный, кой отъ цѣлаго прежняго вида само одежду бѣлу задержало естъ. На цвѣщущемъ его лицу вѣчная младость являшесе и луче около себе просипаше. Кандоръ позна то быти Ангела Божія.

О Хранителю! (великъ онъ) пылиси дакле быо, кой си науку швою сына единого простаго чловѣка слушаши сподобію! Онъ хотяше и выше казати, но устне служити не хотяху. Онъ уподобляшесе чловѣку, кой у сну говорити желитъ, и устне движетъ, но гласа отъ себе даши не можетъ.

Аггелъ ему говоритъ? Кандоре! смертному шѣлу теби послѣднѣй пушѣ говоримъ, яшѣупе чувствено садъ оставиши, но душевно никогда. Мене э Божество теби на сохраненіе опредѣлило. Слушай послѣднѣ мое рѣчи "Величайше добро есть добродѣтель, ей и самъ живощъ уступити мора. Приближайся колико выше можеша оной Божества дщери: у вѣчности тѣешь зато награжденіе добыти отъ преблагаго зиждителя естества. Люби Творца твоего, ближняго као самаго себе. Законъ Спасителя исполнявай. Благодѣтелствуй многимъ — съ Богомъ" —

Текъ что э ове рѣчи изрекао Аггелъ, у воздухъ се двигне, у мрачный облакъ завѣется и изъ предъ очію Кандора исчезнетъ. Изчезнетъ изъ предъ очію его и весь онай восхищительный верпоградъ; появился на ономъ истомъ мѣспу обыкновенное поле. Кандоръ уздыше, на все спране погледа, себе отъ всѣхъ оставлена види, падне на землю и руку къ небу двигнувши говоритъ.

Боже! и опче челоуѣковъ, любовь твоя допле простирается, докле и небо. Тыси вѣченъ и любовь твоя вѣчна есть. Никое время изчерпши не можешъ силу благости

твоя

ося. Когда самъ я еще у чреву матерню быо, вѣшь си ты о мени всякій день попеченіе имао. Пособіемъ могущества твоего я свѣтъ видѣлъ есмь: кое э Благо живота моего оно, кое отъ тебе испекло ніе? Въ нѣжныхъ младенческихъ лѣтахъ ты укрѣпленіе, руководитель ми былъ еси чрезъ Лабірінтъ жизни моя до днесъ. У теби я до гроба отца имѣю, отца, кой само что э добро мени даетъ, и что мы зло видится, на благое обращаетъ. Тма э исчезла съ очесъ моихъ, ношь э вѣшь прешла: деница моя родилася, я во свѣтъ великолѣпіе естества гледимъ и себе чувствуемъ. Чувствуемъ да си отецъ, и да все отечески любишь, что тобою жизнь свою имѣешь. Ты си благоволю мене чрезъ Ангела твоего научиши, и истину откryши, къ коей малая токмо чловѣковъ часть съ величайшимъ трудомъ приступити можетъ. Као что время умножается, тако да умножается любовь моя къ теби, любовь ко всѣмъ чловѣкомъ. Аще изъ тысящу тысящъ брашій моихъ единъ токмо мною ползуется — токмо единъ — довольно содѣлахъ. Дайми храбрость пути твоя непоколебимымъ Духомъ всюду проповѣдати, и по спези овой, коюси ми показао, у оно

ИСТО

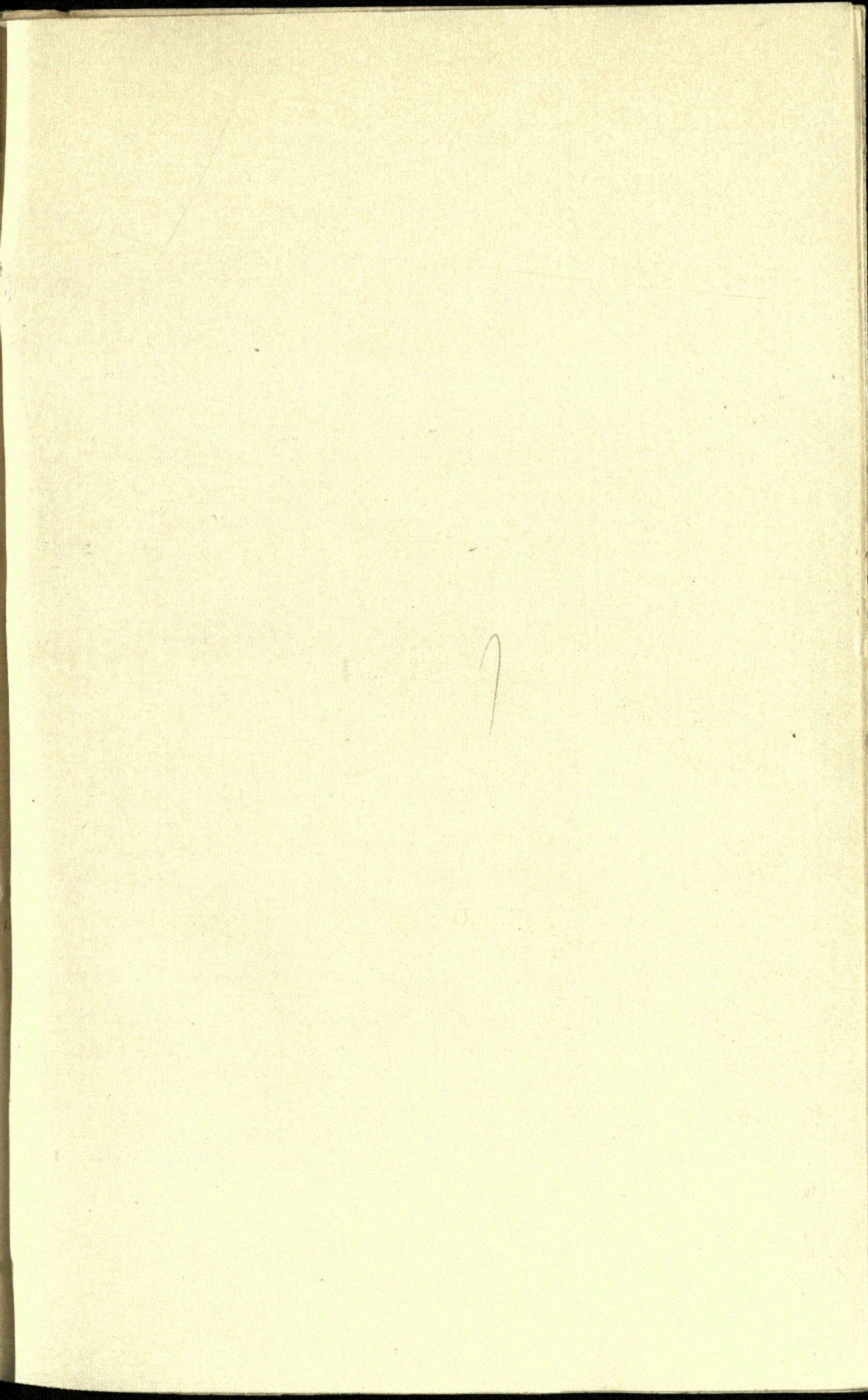
испо время во свѣтѣ безпрепятствено хо-
диши: въ коемъ прочіи глубокою опяго-
щени супъ ношю. Ты си мене до днесъ
храню, до понятія испинѣ овыхъ довео;
ты мене и до конца моего храниши буде-
ши. Видимъ я уже отъ востока раждаю-
щуся звѣзду! Видимъ, и сердцемъ радуюся,
да мрачная ноши одежда съ созданія твоего
уклоняется и благость твоя у очеса всѣхъ
уходитъ. Дай о Творче! дай всякому пре-
мудрость, разумъ и крѣпость. Учини да
весь міръ тебе отца и благодарителя твое-
го познаетъ! учини, да весь разуменъ,
честенъ и благополученъ будетъ.

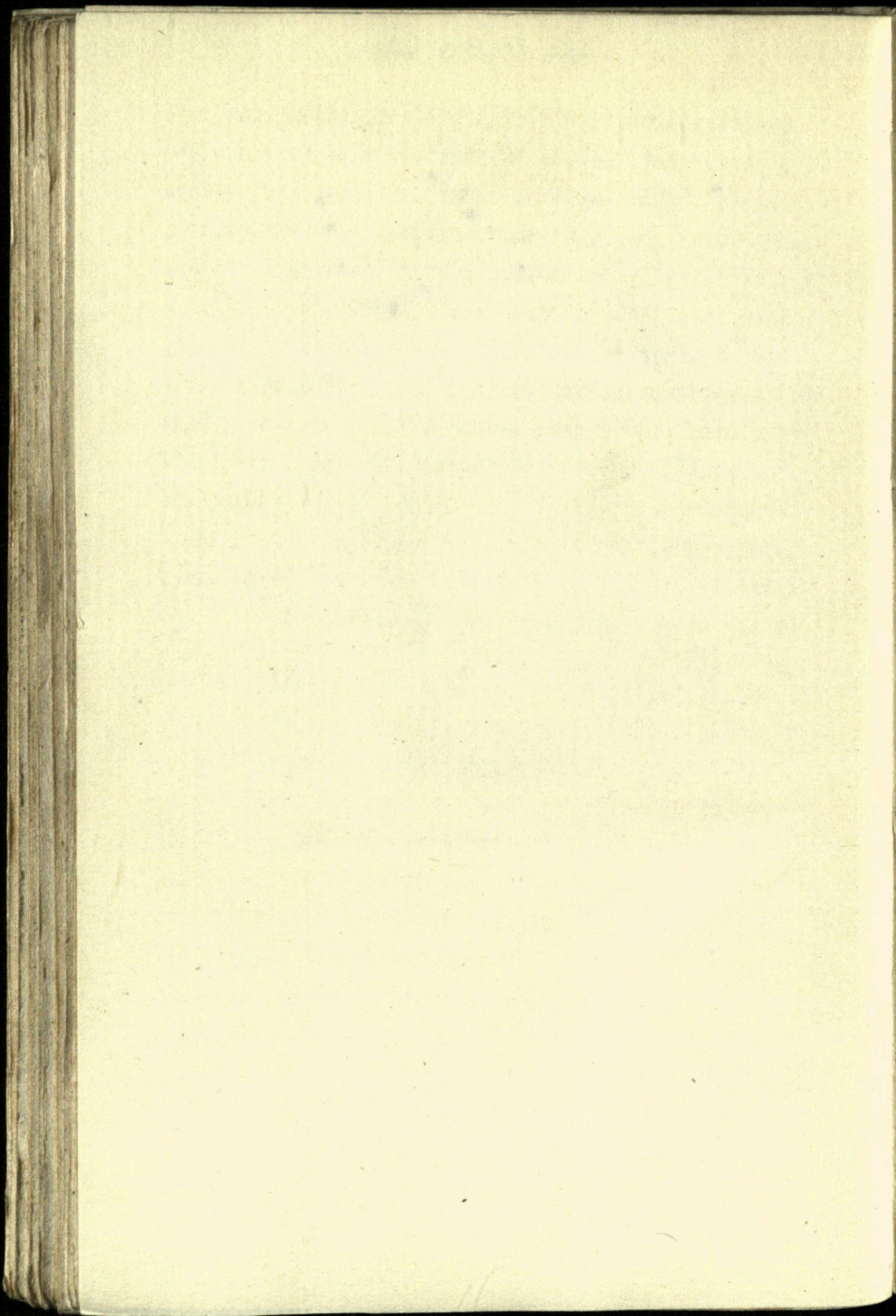
Р 184 Т 124

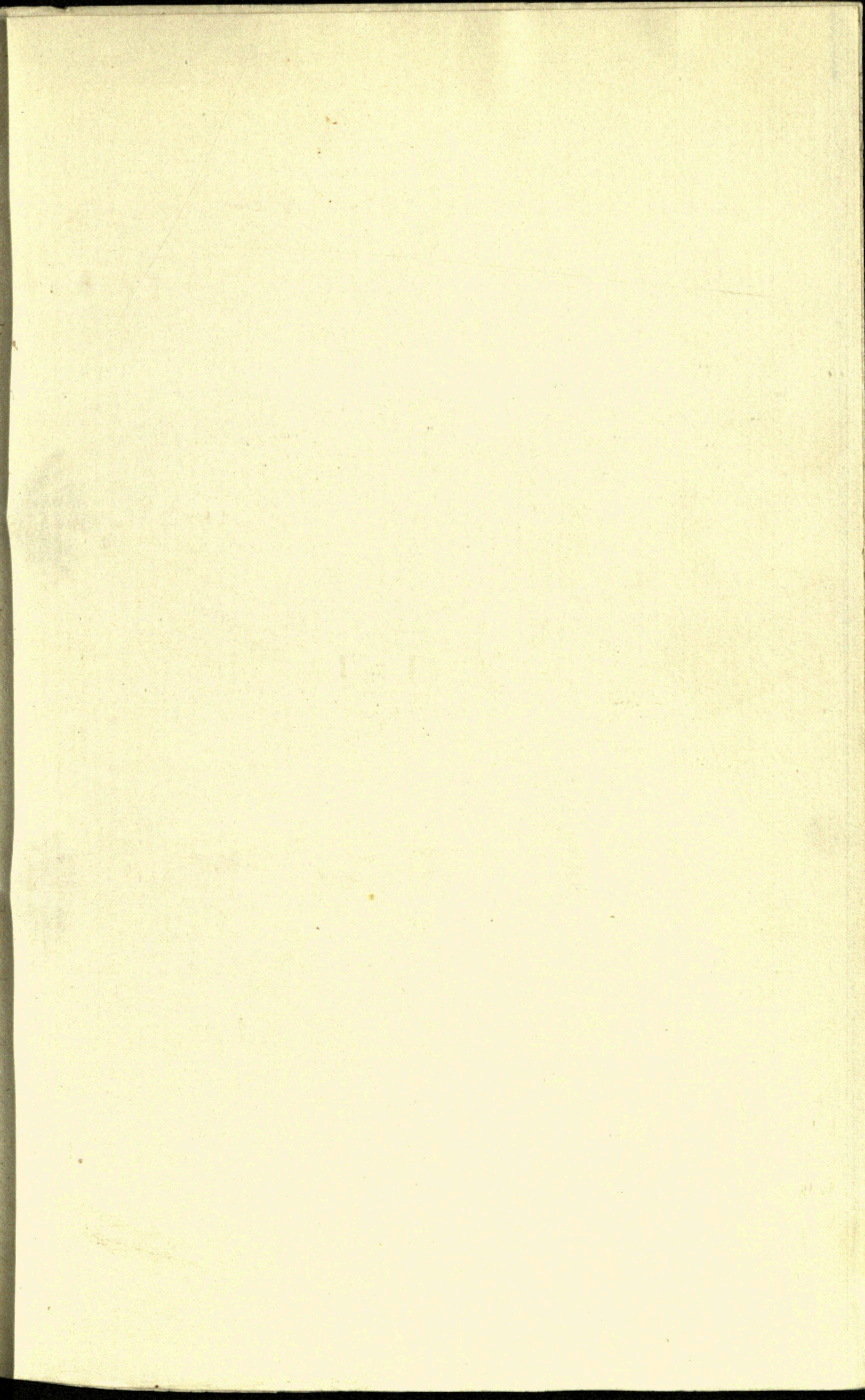

The first part of the paper is devoted to a general
 description of the country and its resources. It
 is then divided into several sections, each dealing
 with a different aspect of the subject. The first
 section is devoted to a description of the country
 and its resources. The second section is devoted
 to a description of the people and their customs.
 The third section is devoted to a description of
 the government and its institutions. The fourth
 section is devoted to a description of the
 economy and its development. The fifth section
 is devoted to a description of the education
 system and its progress. The sixth section is
 devoted to a description of the social conditions
 and the state of the population. The seventh
 section is devoted to a description of the
 military and its organization. The eighth section
 is devoted to a description of the foreign
 relations and the international position of the
 country. The ninth section is devoted to a
 description of the culture and the arts. The
 tenth section is devoted to a description of the
 science and the technology. The eleventh section
 is devoted to a description of the history and
 the evolution of the country. The twelfth section
 is devoted to a description of the future and
 the prospects of the country.

The second part of the paper is devoted to a
 detailed description of the country and its
 resources. It is then divided into several
 sections, each dealing with a different aspect
 of the subject. The first section is devoted
 to a description of the country and its
 resources. The second section is devoted to
 a description of the people and their customs.
 The third section is devoted to a description
 of the government and its institutions. The
 fourth section is devoted to a description of
 the economy and its development. The fifth
 section is devoted to a description of the
 education system and its progress. The sixth
 section is devoted to a description of the
 social conditions and the state of the
 population. The seventh section is devoted
 to a description of the military and its
 organization. The eighth section is devoted
 to a description of the foreign relations and
 the international position of the country.
 The ninth section is devoted to a description
 of the culture and the arts. The tenth section
 is devoted to a description of the science
 and the technology. The eleventh section
 is devoted to a description of the history
 and the evolution of the country. The
 twelfth section is devoted to a description
 of the future and the prospects of the
 country.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р18СрI 184.1